

Владимир ПЕРШАНИН

НЕ ПРОМАХНИСЬ, СНАЙПЕР!

Владимир Першанин

Не промахнись, снайпер!

«Яуза»

2011

Першанин В. Н.

Не промахнись, снайпер! / В. Н. Першанин — «Яуза», 2011

Продолжительность их жизни на передовой, как правило, не превышала нескольких недель. Им нельзя было сдаваться в плен - снайперу, попавшему в руки врага, не стоило надеяться на пощаду или хотя бы на легкую смерть.

Герой этой книги смотрел в лицо смерти более трех лет - тысячи часов «охоты» на нейтральной полосе, десятки дуэлей с немецкими Scharfschutze (снайперами), более семидесяти уничтоженных фашистов, три тяжелых ранения, он не был газетным героем, обвешанным наградами, но свой солдатский долг исполнил сполна... Окопная правда советского снайпера, прошедшего войну от Харьковского побоища до кровавого штурма Будапешта. Великая Отечественная через оптику снайперской винтовки.

© Першанин В. Н., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Першанин

Не промахнись, снайпер!

От автора

К сожалению, я промахивался, и не раз. Но чаще укладывал пули в цель. Иначе бы не пережил ту страшную войну. Никогда не думал, что мне придется воевать в качестве снайпера.

В нашей семье ни охотников, ни военных не было. Жили мы в городе Сызрани на Волге: мама, отец, двое братьев и две сестры. Отец работал инструментальщиком в депо, мама была домохозяйкой. Я, Федор Николаевич Егоров, родился 11 мая 1923 года и был вторым ребенком в семье. Жили мы в небольшом старом доме, построенном еще дедом.

Отец имел довольно редкую специальность – инструментальщик. Он работал на токарном, фрезерном и шлифовальном станках, изготавливал и ремонтировал разные инструменты, считался ценным специалистом. Я собирался пойти по его стопам, но родители хотели, чтобы я закончил десять классов. Не получилось. Отец, трудившийся два десятка лет в старом задымленном депо, заработал болезнь легких. После очередного обострения получил инвалидность, а я, закончив восьмой класс, как старший мужичок в семье, пошел в депо учеником токаря – в семье стало очень туго с деньгами.

Отработал два года, уже получил третий разряд. Отец после лечения снова вернулся на свое место и настоял, чтобы я поступил в техникум. Окончил первый курс, и тут началась война. Я имел броню, фронт нуждался в квалифицированных железнодорожниках. Однако в феврале сорок второго года меня призвали в армию. Понесшая большие потери, Красная Армия усиленно пополнялась. Я ожидал, что попаду в железнодорожные войска, но обстановка складывалась такая, что сильно не разбирались. Попал в пехоту.

Глава 1

Первый выстрел

Конечно, он не был первым за два месяца моего пребывания на фронте и семь недель ускоренной подготовки в учебном полку под городом Ельцом. Я участвовал в боях на Северском Донце, отступая со своим 1311-м пехотным полком от Харькова. Вместе с другими частями мы пытались остановить врага в холмистой голой степи, где не за что уцепиться.

Но танковые соединения армейской группы Клейста и 6-й армии Паулюса снова вбивали клинья, окружая наши корпуса и дивизии. Остатки 1311-го полка пробивались из окружения, а наш третий батальон, усиленный артиллерией, прикрывал отход полка, отягощенного большим количеством раненых.

После двухдневных боев батальон потерял всю артиллерию, две трети личного состава и, уходя из-под ударов немецких механизированных частей, группами, без отдыха, шел на восток. Нам нечем было обороняться, да и людей осталось всего ничего. Еще вечером наша рота насчитывала двадцать с лишним человек. За ночь бесследно исчезли четверо. Под утро, когда начало светать, мы, ускорив шаг, почти бежали, в поисках хоть какого-то укрытия, где могли затаиться и переждать бесконечно долгий июньский день.

В здешних краях мало лесов, а за очередным холмом, который мы перевалили, расстиралась все та же степь. Еще зеленая, но кое-где начавшая желтеть под горячим южным солнцем. Впереди в низине извивалась узкая речушка, окаймленная ивняком и одинокими ветлами. Вдоль речки виднелось с десятков полуразрушенных глиняных домов – остатки хутора.

На этом кладбище человеческого жилья можно было спрятаться среди обгорелых развалин и кустов. Но бойцы поопытнее понимали, что немецкие части второго эшелона не пропустят хутор и прочешут его, как гребенкой, в поисках выходящих из окружения красноармейцев. Группой командовал старший лейтенант Чистяков, наш ротный, единственный из командиров, кто остался в живых. Сержант Петр Кращенко исполнял обязанности его заместителя, а старшина Горбуль так и оставался старшиной, заведующим хозяйством роты. Впрочем, ни роты, ни хозяйства уже не было. Так, ошипанный, смертельно уставший взвод или полтора отделения. Называй как хочешь.

Все держалось на Чистякове, его авторитете и боевом опыте. После училища он успел захватить последние месяцы Финской войны, отморозить пальцы на ногах и получить медаль «За боевые заслуги». Чистяков командовал ротой с осени сорок первого, был ранен, участвовал в неудачной Харьковской операции и сейчас пытался вывести остатки роты из наводненной немцами степи.

Возможно, несмотря на риск, Чистяков дал бы команду бежать к развалинам хутора, но позади уже слышался шум моторов. Старший лейтенант, не раздумывая, показал на частично обрушенный сарай для сушки сена. Сложенный из тонких почерневших от времени бревен, он открыто торчал на бугре. Но от проселка его отделяла глинистая промоина с остатками мутной весенней воды и вязкими берегами.

Люди бежали вслед за Чистяковым, к сараю. А двое бойцов, уверенные, что сарай станет для всех ловушкой, кинулись в кусты краснотала, росшие редкими пучками с другой стороны проселка. Через несколько минут на дороге появился легкий приземистый танк Т-1 со спаренным пулеметом и два мотоцикла, тоже с пулеметами. Эти танки активно участвовали в боях сорок первого года и в большинстве были выбиты. Сейчас немцы использовали их во вторых эшелонах против окруженцев и для прочесывания захваченной местности.

Сарай с ходу прострочили несколькими очередями. Все мгновенно бросились на земляной пол, покрытый тонким слоем сена. Кто-то не успел и вскрикнул, схватившись за перебитую ногу.

– Тише! – зашипели на него, зажимая рот.

– Перевяжите, кровью истечет, – сказал Чистяков и дал команду срочно собирать имевшиеся гранаты.

Гранат оказалось всего две: «лимонка» Ф-1 и РГД-33, обе гранаты противопехотные. Даже против тонкой брони ими ничего не сделаешь, связка не получится. Из оружия имелись лишь винтовки с малым запасом патронов и наганы у Чистякова и старшины. Ночью, усталые, едва бредущие бойцы выкинули гранаты, оставшиеся после боя, противогазы и все остальное, что казалось лишним. Сейчас эти выброшенные РГД могли спасти нам жизнь.

До немецкого танка и мотоциклов, остановившихся на проселке, было метров двести пятьдесят. Командир экипажа, он же, видимо, старший в группе, что-то объяснял мотоциклистам. Те кивали головой, затем оба «Зюндаппа», взревев моторами, понеслись к хутору, а Т-1 остался на холме, перегородив дорогу. Он занял хорошую позицию, откуда на несколько километров просматривалась широкая низина, степь и уходящий влево склон с редкими акациями и вязами. Затем началось то, что осталось в моей памяти на долгие месяцы и даже годы.

Танк открыл пулеметный огонь. Сначала мы не поняли, по какой цели. Потом, прильнув к узким щелям и пробоинам в стене, увидели, что вдоль дороги, по степи и склону торопливо шли и бежали наши бойцы. Остатки частей, державшие, как и мы, оборону в степи за Доном, а теперь прорывавшиеся к своим. Основная масса войск отступила или погибла, многие попали в плен. На восток упорно шли мелкие группы по 10–15 человек, некоторые – побольше. Спешили пересечь низину бойцы-одиночки.

Немецкий танк, занявший выгодную позицию на вершине холма, стал хозяином их жизни. Спаренная установка била непрерывно, высокая плотность огня настигала свои жертвы за километр и больше. Вцепившись в какую-либо группу, спаренная трасса не с первой, так со второй или третьей очереди настигала ее. Фрицы патронов не жалели, цейссовская оптика и хорошие прицелы не давали вырваться обреченным людям. Бойцы падали один за другим, раненые пытались ползти. Кто-то успевал укрыться, а затем, выбрав момент, убегал под защиту деревьев, кустарника или нырял в овражек.

– Куда же вы претесь? – сжав кулаки, шептал наш пожилой старшина Горбуль.

Позади ждала тоже смерть, и красноармейцы упорно двигались на восток. Не сказать, что людей было очень много. Но продолжали идти, возникая в прицеле пулеметов. Под огонь попали остатки батальона, или нескольких рот, примерно человек семьдесят. Две трети остались лежать между проселком и хутором, остальные добежали до речки.

Иногда пулеметы замолкали. Стрелок перезаряжал ленты или менял перегревшиеся стволы. Механик-водитель изредка вылезал на броню, осматривался по сторонам, потягивался, разминая затекшие мышцы. Отсюда я не мог разглядеть выражение его лица, но, кажется, он улыбался. Чего не улыбаться, когда пулеметы работают четко, а «иваны» валяются, как снопы. Сволочь!

Так получилось, что я считался лучшим стрелком в роте. Неплохо сдавал нормы ГТО еще в техникуме, особенно по стрельбе из малокалиберки. В учебном полку освоил трехлинейку и в обороне уверенно попадал в цель за двести-триста метров. Я бы, наверное, смог без промаха завалить этого слишком жизнерадостного арийца, но ротный запретил нам даже прикасаться к затворам винтовок. Все мы хорошо понимали – один выстрел, даже удачный, и командир танка изрешетит всех нас за минуту вместе с сараем. Сержант Степа Кращенко считал убитых, его губы кривились в злой усмешке, похожей на судорогу.

– Тридцать два... сорок... пятьдесят семь...

Ворочались и стонали раненые. Старший лейтенант Чистяков, как командир, острее других чувствовал наше бессилие и обреченность. Сейчас фрицы, как в тире, выбивают окруженцев, но рано или поздно подкатят к сараю и проверят его. Дадут несколько очередей, люди кинутся прочь, и все будет кончено.

В таком бессильном напряжении прошло часа полтора или два.

Очереди стали реже, иногда вел огонь один ствол. Запас патронов, видимо, подходил к концу. Танк двинулся в нашу сторону и остановился у глинистой промоины в ста метрах от сарая. Дал еще одну очередь, которая, выбивая щепки, прошла над головами, дырявя наше убежище насквозь. На людей было жутко смотреть. Не выбраться нам отсюда, и выхода не видно. Как никогда мы все чувствовали приближающуюся смерть. Одни что-то тихо бормотали, кто-то молился или украдкой плакал. Наверное, так ведут себя перед казнью приговоренные к расстрелу. Хоть сиди, хоть кидайся с винтовкой на танк – конец один. Но должен быть выход. Не даст старший лейтенант перебить нас как беспомощных кутят!

– Боеприпасы по радиации запросил, – одними губами прошептал ротный, но мы его услышали.

– Вот сейчас его и надо брать, – сказал Степа Кращенко. – Пока он за нас не взялся.

– Подожди...

Откинулся люк, и командир танка уселся на башню. Чистяков потянул меня за рукав:

– Федя, когда появится механик-водитель, выстрелишь в него. Целься в грудь, чтобы наверняка. Степан, а ты попробуй снять этого петуха с башни. Я вас подстрахую.

Почувствовав, что сидение заканчивается и предстоит бой, люди зашевелились, слышались возбужденные голоса. Чистяков, заряжавший винтовку, взятую у кого-то из раненых, сделал знак, чтобы все замолчали.

– Федор, тебе промахнуться никак нельзя. Понял?

– Не промахнусь, товарищ старший лейтенант.

Я понимал, почему первый выстрел должен быть в механика. Даже если бы сняли командира танка, а механик уцелел, он протаранил бы наше хлипкое убежище или, отъехав, пересел бы за пулеметы, которые пробивали сарай насквозь, через обе стены. Расстояние сто метров для винтовки пустяковое. Но это не стрельбище, там не дрожат руки, как сейчас. Я сжал и разжал кулаки, пристраивая ствол между бревнами.

– После выстрелов бежим двумя группами. Одну возглавляет старшина, вторую – Максим Усов. Они же бросят гранаты. Танк ими не подбить, но взрывы отвлекут экипаж, даже если Кращенко и Федя Егоров промахнутся.

Максим Усов, с повязкой на лбу, закрывающей правый глаз, – из бывалых солдат. И стрелять бы, возможно, доверили ему, но отколота пулей щепка распорол кожу на лбу и бровь, лицо покрылось коркой засохшей крови. Но людей он повести сможет и одну из гранат докинёт до цели.

– Значит, опять на пулеметы по полю бежать, – обозленно выругался один из бойцов. – Положат нас всех из двух стволов.

– Здесь мы тоже ничего не высидим, – не менее обозленно отозвался Чистяков. – Ясно?

– А вы, товарищ старший лейтенант, отселя руководить будете, – не унимался тот же голос.

– Я буду во второй группе вместе с Усовым, а если ты, умник, в атаку не поднимешься, пристрелю на месте.

– Это вы можете... Побежим, куда деваться.

– Все, хватит болтать. Приготовились.

Я вспомнил фамилию говорливого бойца. Швыдков. Мужик, уже в годах, не верил, что мы одолеем танк, и наверняка считал ситуацию безнадежной. «В плен... в плен надо сдаваться, если жить охота», – эти мысли легко угадывались, и я его понимал. После бесконечного отступления, смертей, в нашем теперешнем положении это был, по его мнению, единственный выход. Почему он тогда не убежал ночью вместе с теми четверыми? На этот вопрос я не успел сам себе ответить. Из люка не спеша вылезал механик-водитель. Моя цель, в которую я не имел права промахнуться.

Небольшого роста, коренастый, в темно-сером комбинезоне, немец спрыгнул на землю и, расстегнув брюки, стал мочиться. Механик стоял боком. Я выждал несколько секунд, когда он повернется, а затем плавно потянул спуск. Звука выстрела почему-то не услышал, хотя в закрытом помещении выстрел бьет оглушительно. Наверное, уши заложило от напряжения. Механик, подломив колени, падал, пытаясь ухватиться рукой за воздух. Я хорошо видел его лицо, искаженное гримасой удивления. Он не ожидал смерти рядом со своим танком, который легко уничтожил несколько десятков русских, а сейчас ждал боеприпасов, чтобы продолжить веселую войну. За прошедшие два месяца мне приходилось много стрелять, но то были выстрелы из окопов по бегущему вдалеке врагу. Сейчас я впервые убил конкретного человека, с лицом, которое врезалось в память.

И сразу рывком распахнув дверь, кинулись вперед Чистяков, Степан Кращенко, старшина Горбуль, Максим Усов и следом десяток бойцов. Пригнувшись, они бежали очень быстро. Их догоняли еще трое красноармейцев, промедлившие несколько секунд. В сарае оставалось четверо: двое раненых, боец, скорчившийся у стены от страха, и я.

– Чего сидишь? Побежали!

Но боец глядел на меня с таким ужасом, что я, не теряя времени, молча кинулся в открытые ворота.

Старший лейтенант Чистяков шел на риск, и жертвы оказались немалыми. Но, я думаю, это был единственный выход, чтобы спасти остатки роты. Пуля, выпущенная в командира танка, прошла мимо, возможно, лишь легко ранила его. Фельдфебель или унтер нырнул в люк за считанные мгновения. Две группы бежали, огибая танк с двух сторон. Когда башня провернулась стволами к наступающим, бойцы уже одолели половину расстояния. Пулеметы, установленные на дальний прицел, ударили с завыванием.

Стволы быстро опустились, и следующая очередь смахнула сразу двоих или троих красноармейцев. Кто-то бросился на землю, спасаясь от пуль, двое метнулись прочь, но их догнала спаренная трасса, и они упали рядом. Я тоже упал на землю, пули пронеслись над головой. Немецкий танкист лихорадочно крутил башню, посылая короткие торопливые очереди. Видимо, у него действительно заканчивались патроны. Один пулемет замолк, стрелял лишь второй. Старшина Горбуль и Степа Кращенко швырнули гранаты. РГД взорвалась рядом с танком. Старшина угодил «лимонкой» в лобовую броню, она скатилась и рванула под гусеницами.

Горбуль, старый вояка, расплатился за меткий бросок несколькими пулями в грудь и плечи. «Лимонка» не причинила машине особого вреда, но осколки крепко хлестнули по колесам, гусеницам и вмяли нижний передний люк. Немец понял, что его берут в кольцо. Он перелез на место механика, даже успел включить двигатель, но Максим Усов, перемотанный окровавленными бинтами, в порванной гимнастерке, уже вскочил на броню.

Ткнул штыком в смотровую щель, более широкую и удобную, чем у наших танков, ставшую для фрица смертельно опасной. Прежде чем немец успел ее закрыть, Чистяков, прыгнувший следом, выстрелил из нагана несколько раз подряд. Передергивая затвор, выпустил всю винтовочную обойму Усов. Взорвавшиеся на броню бойцы били штыками и стреляли в остальные смотровые щели. Вышибли смятый передний люк и выволокли издырявленного пулями и штыками фельдфебеля. Он уже умер, но его со злостью пинали.

– Ну, что, блядина, удобно было из-за брони стрелять!

- Сволочь! Жалко, живым не взяли.
- Кто-то показал рукой на проселок.
- Мотоцикл! На подмогу гад спешит.

Нет, «Зюндапп» не спешил. Он наверняка вез боеприпасы, но мотоциклист, сообразив, что с танком происходит что-то не то, затормозил, не доезжая метров ста пятидесяти. По нему открыли огонь из винтовок. Стрелял и я, а в ответ ударил пулемет, закрепленный на коляске. И захлебнулся после второй очереди. Стоявший посреди проселочной дороги, он представлял хорошую мишень. Мотоциклист развернулся на месте и погнал прочь. Обмякшее тело пулеметчика встряхивало в подпрыгивающей коляске, вслед летели пули. «Зюндапп» с мертвым пулеметчиком исчез за поворотом.

Нам следовало спешить. Башенные пулеметы снять не сумели – требовалось время. Пробив бензобак, подожгли танк, который мгновенно взялся ревущим бензиновым пламенем. Тела пяти погибших красноармейцев и старшины отнесли на обочину. Хоронить тоже не оставалось времени, немцы, услышав взрывы и стрельбу в своем тылу, могли появиться в любой момент.

Единственное, что позволил сделать Чистяков, дать три залпа из двух винтовок над погибшими. Лишние выстрелы уже ничего не решали, мы обнаружили себя и сейчас торопились уйти. Тяжело раненного бойца с перебитой ногой несли на самодельных носилках. Те, кто получил ранения полегче, шли сами. В поле наткнулись на трупы наших двоих красноармейцев, пытавшихся спрятаться в кустарнике. Их заметили и расстреляли очередями в спину еще вначале, когда Т-1 занял свою позицию.

Как мы спешили! Мы шли, почти бежали через пшеничное поле, позади поднимался дым от горящего танка. Все были возбуждены, даже струсивший боец, выбравшийся из сарая, когда все кончилось. Мы одолели немецкий панцер почти голыми руками! Решительность старшего лейтенанта Чистякова снова спаяла остатки роты. Кроме винтовок, у нас имелся теперь трофейный автомат, несколько гранат и массивный «вальтер». Как доказательство, что мы не просто отступали, а уничтожили немецкий танк, захватили документы убитых танкистов и оптический прицел с пулеметной установки.

Нам повезло. Когда с дороги открыли огонь из пушки и крупнокалиберного пулемета, мы уже отмахали километра три и продолжали идти несколько часов, не снижая темпа. После полудня свалились без сил в лесистой балке, жадно пили и никак не могли напиться из мутного, но холодного ручья.

Максим Усов, взявший на себя роль старшины, разделил трофейные продукты, найденные в танке: консервы, пластиковые коробочки с мармеладом, галеты. Достался нам и спирт, видимо, для технических нужд, в объемистой полуторалитровой фляге. Он вонял резиной, но каждый с удовольствием выпил свою порцию, граммов семьдесят, а потом принялись за еду.

Чудом избежавшие смерти, все оживились, говорили, перебивая друг друга. Хвалили за смелое решение старшего лейтенанта Чистякова, меня – за меткий выстрел в механика-водителя, помянули погибших. Степа Кращенко хлопал меня по плечу и рассуждал, что, если бы я не срезал механика, намотал бы он нас на гусеницы.

- Награду Федя заслужил, так ведь, товарищ старший лейтенант?

– Брось болтать глупости! – разозлился Чистяков. – Награду! Еще неизвестно, как нас встретят и чем наградят за то, что драпаем.

– Это верно, – подтвердил самый рассудительный из всех Максим Усов, который вместе с добровольным помощником менял пропитанные кровью повязки у раненых.

Я перехватил напряженный взгляд бойца, который струсил и не побежал вместе со всеми. Кажется, в суматохе этого никто не заметил, кроме меня. Своим взглядом он умолял молчать. Шесть человек погибли, когда кинулись на немецкий танк. И теперь, когда горячо обсужда-

лась наша победа, эта горячка могла закончиться для него очень плохо. За уклонение от боя командир имел право без всякого суда расстрелять виновного на месте.

Да что там командир! Мы чудом вырвались из ловушки, нервы у людей были на пределе. Его мог застрелить любой из бойцов, вымещая на струсившем красноармейце напряжение и ожидание неминуемой смерти в сарае-ловушке.

Опухли и воспалились от пыли и жары вроде пустячные раны у Петра Кращенко и двоих легко раненных. На красноармейца, которого мы тащили на носилках, было страшно смотреть. Перебитая нога вздулась на жаре, стала багрово-фиолетовой. Видимо, началось заражение. Повязку поменяли, промыли рану, тяжело раненному влили в рот полкружки разбавленного спирта. Потом все заснуло. Как провалились. Выставлялись ли постовые, не знаю. Скорее всего, нет. Чистяков дал возможность людям отоспаться, чтобы на закате двинуться дальше. Июньские ночи коротки, идти предстояло до рассвета. Если не выйдем к лесу, снова придется затаиться. Шагать днем слишком опасно.

Чистяков обошел раненных, спросил, могут ли они идти. Один из них, глядя себе под ноги, сказал, что будет лишь обузой. Он из местных, добредет потихоньку до своего хутора.

– Винтовку с собой возьмешь?

– Нет, куда мне с ней. Дай бог налегке добрести.

Все ясно, отвоевался. Хотя трудно судить людей в таких ситуациях. Сложнее обстояло дело с тяжело раненным, который лишь на короткое время приходил в сознание. Все понимали, что без медицинской помощи ему отпущено сроку от силы день, а может, и меньше.

Мы жили понятиями боевого братства, презирали дезертиров, и никто не предложил оставить раненого, а самим уйти. И чем быстрее, тем лучше. Степная балка, шириной полтора шагов, была таким же ненадежным убежищем, как тот сарай-ловушка. Мы пробились ценой шести жизней, а сейчас, очнувшись после короткого сна, смотрели на нашего обреченного товарища, сознавая, что он становится неподъемной ношей.

Незаметно исчез красноармеец, решивший отсидеться в своем хуторе. Неизвестно, находился ли поблизости его дом, или он решил сдаться в плен. Аккуратной кучкой сложил винтовку, патронташ и даже звездочку от пилотки. Степа Кращенко повертел звездочку в пальцах и, усмехнувшись, сказал:

– Интересно, что он через месяц на пилотку нацепит? Не иначе, фашистского орла.

Я запомнил, что нас оставалось одиннадцать человек. Трое легко раненных в носильщики не годились. Значит, семерым предстояло меняться каждые полчаса и, спотыкаясь, нести в темноте тяжело раненного. Это, как минимум, вдвое замедляло ход группы, а нас могла спасти лишь быстрота.

Уходить, вырываться из этой степи, пронизанной проселками и степными колеями, по которым носились немецкие мотоциклы, а по главным дорогам шли войска. Дважды над нами пролетали бомбардировщики. Шли они на большой скорости бомбить линию обороны или другие важные цели.

– Ну что с этим бедолагой делать? – кивнул на лежавшего без сознания бойца Максим Усов. – Не жилец уже, а все мучается.

Максим был такой же рядовой, как и другие, но пользовался авторитетом. Чистяков, устраивая короткие совещания, всегда приглашал на них Усова вместе со старшиной и сержантами. Он считался как командир отделения, сержантов в роте не хватало, а сейчас остался один Степа Кращенко. Я заметил, что на поясе Усова висит «наган» старшины. Мы были приятелями и с Максимом, и с сержантом Кращенко, но на этот раз они решили что-то обсудить вдвоем. Даже без старшего лейтенанта. Выполняя приказ Кращенко, я полез на склон следить за степью. А в сумерках, когда собирались в путь, вдруг резко и коротко хлопнул револьвер-

ный выстрел. Застрелился тяжело раненный. В откинутой руке он продолжал сжимать «наган» старшины, перешедший к Максиму Усову.

Никого это не удивило, промолчал и старший лейтенант Чистяков. Только у меня хватило ума и глупости высказать очевидную вещь:

– Не мог он сам застрелиться. В сознание, считай, не приходил. Как же получилось?

У Максима под повязкой на лбу вдруг округлились желтые от раны или болезни глаза. Он не дал мне договорить, схватил за воротник и, подтянув, зашептал, брызгая слюной:

– Сопляк! Как да эдак... Не лезь, куда не просят. Грамотный шибко, порассуждать о доброте хочешь?

Я никогда не видел всегда дружелюбного ко мне крестьянина Максима Усова таким злым. Позже я пойму, что с молчаливого согласия Чистякова он вместе с Кращенко решал непростую ситуацию. Кому-то надо было вложить наган в руку обреченного бойца и нажать на спуск. Обстоятельства заставили решать это именно им, двум наиболее надежным солдатам в роте.

Возможно, они тянули жребий, и выбор пал на Максима. И хотя раненый лежал в стороне, делать все пришлось едва не на глазах остальных. Усова потянул за руку Степа Кращенко.

– Чего ты на Федю кидаешься? Он же молодец. Не срезал бы механика, нас бы уже вороны расклевали.

Максим, уважавший меня за грамотность (сам он закончил три или четыре класса), как-то сразу изменился в лице, растерянно похлопал меня по плечу:

– Все нормально, Федя. Сейчас двинемся. Винтовку наготове держи. Почистил?

Ничего я не чистил. И остальные тоже – сил и времени не хватило. Но я кивнул в ответ:

– Почистил... конечно.

Чистяков подал команду. Десять человек цепочкой двинулись в сгустившуюся темноту июньского вечера. Пахло дымом, сгоревшим зерном и полынью.

Нам повезло. Через сутки мы вышли к своим, заплатив жизнью еще одного человека. Сравнительно недорогая цена за выход из окружения в голой степной местности. Боец наступил на мину. Мы застыли на месте, глядя на мычащего от боли парня с оторванной по колено ногой и разорванным животом.

Помочь ему было нельзя, и группа осторожно, след в след, миновала опасное место. Мы догнали один из пехотных полков нашей дивизии. Проверка прошла быстро, таких окруженцев в июне сорок второго было столько, что не хватило бы никаких особых отделов, чтобы проверить всех.

Помню, что каждого из девяти опросили отдельно, противоречий в показаниях не обнаружили. Потом приехал представитель полка, поздоровался за руку с Чистяковым, рассказал особистам, что роту оставили в составе батальона прикрывать отход, и вскоре мы оказались среди своих. Никто нас не хвалил (а ведь двое суток батальон держал позиции!), но и не копались. Просто остатки роты пополнили людьми и снова включили в состав третьего батальона.

Еще несколько дней мы воевали в обороне, отступали, прятались от немецких самолетов. В одном месте оказались на острие танкового клина. Полковая артиллерия и «сорокапятки» истребительного противотанкового полка подбили и подожгли несколько танков. Массивных, приземистых Т-3 и Т-4. Но часть машин прорвалась к нашим окопам.

Давили, сравнивали с землей пулеметные гнезда, стрелковые ячейки. Часть бойцов, не выдержав, побежала. Почти всех побили из пулеметов. Противотанковые ружья броню немецких танков пробивали лишь с близкого расстояния, но расчеты открыли огонь слишком рано. Их смели орудийными выстрелами и огнем пулеметов. Те, кто сумел взять себя в руки, оказали сопротивление.

Нас снабдили противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. Чистяков сумел поджечь массивный Т-4, пока тот стрелял по отступавшим. Бутылка с горючкой угодила

позади башни, на трансмиссию, и танк как-то быстро и вдруг загорелся. Экипаж развернулся и хотел на полном ходу отогнать машину в безопасное место. Не сумели, заглох мотор. Танкисты выскакивали один за другим, по ним открыли огонь, кто-то свалился, остальные уползли.

Еще один панцер подбили противотанковой гранатой. Разорвало гусеницу, башня, быстро вращаясь, вела огонь из пушки и пулемета. Взводный, из молодых «шестимесячных» младших лейтенантов, швырнул две бутылки с горючей смесью. Одна не долетела, вторая разбилась о колеса. Загорелась трава, дым мешал экипажу целиться, а Степа Кращенко сумел забросить противотанковую гранату из-за угла траншеи под другую гусеницу.

Но добила танк конная артиллерийская батарея, пришедшая к нам на помощь. Артиллеристы с ходу разворачивали легкие пушки и бронебойными снарядами отогнали прорвавшиеся танки. Немецкая пехота (взвод или два), сгоряча рванувшая вперед, оказалась в мешке. Я свалил одного из фрицев, но трое других, бежавших кучкой, вывернулись едва не со спины. Все трое попали под огонь ручного пулемета. Залегли, успев ранить второго номера из расчета. Их закидали гранатами, а потом добили штыками. Воевать фрицы умели. Прорвавшаяся группа, перебежками, прикрывая друг друга огнем, сумела вырваться, оставив десятка полтора трупов. Пулеметчики с МГ-42 отступали последними. Пули сыпались так густо, что в них никак не могли попасть.

Когда перезаряжали свой машингевер, сразу несколько человек, выскочив из ближайших окопов, бросились на них со штыками наперевес. Фрицы уже заправили новую ленту и захлопнули массивную крышку, но им не хватило секунд. Обоих пулеметчиков закололи штыками, а нам достался в качестве трофея новый, недавно появившийся пулемет МГ-42 со скорострельностью тысяча двести выстрелов в минуту.

Бойцы обшаривали трупы убитых немцев, кое-кто вооружился автоматами, но их было немного. А вообще, экипированы фрицы были хорошо. Добротные кожаные сапоги, френчи. К сожалению, ранцев с сухим пайком, шнапсом, сигаретами и прочими полезными вещами почти ни у кого из убитых не оказалось. Шли в атаку налегке, но с большим запасом боеприпасов: до десятка запасных магазинов к автоматам, по 5–6 ручных гранат.

Удивило обилие фотографий. Семейных, фронтовых. Снимки невест или жен (редко с детьми.) Обязательно личная фотография во всей красе. Или в парадной форме, или на спортивных занятиях, чтобы продемонстрировать крепкие, хорошо развитые мышцы. Что ни говори, противник нам достался серьезный. Толстяков или заморышей среди убитых я не видел. Максим Усов, глядя на снимки, отреагировал по-своему:

– Отожрались на наших харчах... по самую глотку.

Потом пошли искать пропавшего младшего лейтенанта, бросившего в танк бутылки с горючей смесью. Нашли – засыпанного землей с развороченного бруствера. Осторожно разгребали желтоватую с мелкими камешками почву. Может, еще живой. Потом увидели кровь на гимнастерке и слипшиеся волосы. Пуля пробила голову наискось, торчал кусок выбитой височной кости. Смелый был парень. Ни имени, ни фамилии не запомнил, он у нас с неделю всего пробыл.

Мы одержали небольшую победу. Радости особой не испытывали. Много погибло наших. Взялись копать братскую могилу, потому что в этой неразберихе похоронщиков не дожدهшься. Но проститься с погибшими нам не дали. Налетели «Юнкерсы», закрутили с воем сирен любимое колесо, сыпались бомбы, стучали пулеметные очереди. До вечера самолеты налетали еще раза два, превратив линию обороны в сплошную перепаханную полосу. Людей от бомбежки погибло не меньше, чем во время отражения атаки.

Ночью пришлось отступать. Все повозки загрузили ранеными. Те, кто мог передвигать ноги, шли, держась за края повозок. Когда раненый умирал, на его место сразу укладывали кого-то из обессиливших, потерявших много крови бойцов. Все же мы пробились к основным

силам армии. Затем все, что осталось от дивизии, без артиллерии, минометов, с ротами, насчитывающими по 15–20 человек, отвели на переформировку под город Борисоглебск.

Разместились в истоптанном лесу, где до нас стояла другая часть. Она ушла на фронт, оставив порядком загаженное место, кучи мусора и нечистот, но зато нам не пришлось рыть землянки и щели для укрытия от бомб. Нашей роте, с расчетом на пополнение, выделили три готовые землянки. Помню, что пару суток мы отсыпались, не спеша, ходили на кухню. Кормили по тыловой норме: жидкий суп с тонкими, как нитки, волокнами тушенки, перловая или ячневая каша немногим гуще, чем суп. По урезанной норме серый хлеб с остяками, о которые очень просто было ободрать горло. Мутный, слегка подслащенный чай завершал трапезу.

Ели, ругая снабженцев и поваров, которые сами такую бурду не употребляли. Конечно, время тяжелое, продуктов не хватало. Но и подворовывали тыловые крысы от души, внаглую, несмотря на жесткую дисциплину. Я однажды утром столкнулся нос к носу с упитанным сержантом, который нес вещмешок, набитый банками с консервами. Тушенка, сгущенка или американская колбаса – не знаю, что уж там было, но сержант остолбенел от неожиданности и порядком струсил. Я тоже растерялся, хотя можно было ополовинить явного вора. Тот сообщал быстрее, чем я, и с деловым видом зашагал дальше. Я потом долго ругал себя за растерянность. Но сержант мог нести харчи и начальству, тогда бы я вляпался в неприятность.

Отдыхать нам долго не дали. Прибыло первое пополнение, человек пятнадцать парней, одетых в гражданское. Появился младший лейтенант, которого Чистяков представил как командира нашего взвода. Фамилия «младшого» оказалась Егоров, что сразу вызвало смех и подначки в мой адрес.

– Во, Федьке повезло! Родственник объявился. Или однофамилец?

Оказалось, что однофамилец совсем из других краев, и на меня посмотрел косо. Шутки и смех насчет родства ему не понравились. Наверное, как и большинство «шестимесячных» младших лейтенантов, он очень переживал за свой авторитет. Их учили, что подчиненных сразу надо брать в крепкие руки, иначе развалится дисциплина.

– Ваша фамилия Егоров? – уточнил взводный.

– Так точно, – ответил я. – Красноармеец Егоров, родом из города Сызрани Куйбышевской области.

– Он не только красноармеец, – выкрикнул кто-то. – Федька у нас снайпер. Фашистского танкиста с первого выстрела свалил, а танк мы потом сожгли.

– У него на счету и другие фрицы имеются. Правда, Федя?

Воодушевленный похвалами ребят, даже такого серьезного человека, как Максим Усов, я простодушно спросил, повышая взводного на одну ступень в звании:

– Вы случаем не с Волги, товарищ лейтенант?

Слишком бурное оживление при воспоминании о боях, через которые мы прошли, об уничтоженных танках, моя расплывшаяся до ушей в улыбке физиономия младшему лейтенанту не понравились. Ведь он наверняка немецких танков близко не видел, а тут с первых минут хотят позлить его и расхваливают рядового бойца в заношенной гимнастерке и рваных ботинках. Поэтому мой однофамилец и отреагировал соответственно, прекращая лишние разговоры:

– Я не с Волги, а из других краев. Но это не имеет значения. У меня спрос один, по Уставу, даже если земляки попадутся.

– Не попадутся, – тихо, но отчетливо проговорил Максим Усов. – На хрен такие земляки нужны.

Взводный услышал реплику в свой адрес. Максим правильно отреагировал. С фронтовиками так не разговаривают, особенно те, кто передовой не нюхал. Наверное, совсем заучился наш взводный, если простых истин не понял. Младший лейтенант покраснел, но делать замечание Максиму Усову не рискнул. Он был старше всех лет на десять, с еще не зажившим шра-

мом на лбу. И вообще, читалось в лице Максима, что боец он не простой, много чего повидавший. Поэтому взводный продолжал воспитывать однофамильца:

– Приведите себя в порядок, красноармеец Егоров. Выглядите как оборванец.

В этом он был прав. Гимнастерка, шаровары, не только заношенные, но и расползлились по швам. Я их штопал и зелеными, и черными нитками, какие удалось раздобыть. Правда, подошвы ботинок, на мой взгляд, были прилично замотаны телефонным проводом, который шел ровным аккуратным рядком. Впрочем, так в основном выглядели боевые остатки роты. Старались, приводили себя в порядок, пока нас проверяли в штабе. Несколько человек носили начищенные ваксой немецкие сапоги. Трофейное оружие у нас забрали, но сапоги оставили.

– Аккуратная обувь, – похвалил их владельцев взводный, который немецких сапог раньше никогда не видел.

– С фрицев сняли, – ухмыльнулся кто-то.

– С мертвых, что ли?

– С уничтоженных, – поправили его.

Сейчас мы ждали обещанную смену обмундирования, которое обещали привезти не сегодня завтра. Новобранцы, те вообще в цветастых рубашках, пиджаках да чунях ходили.

– Мне трофейных сапог не хватило, – пояснил я. – А если насчет постираться, то брюки и гимнастерка точно разлезутся, товарищ младший лейтенант.

Повышать в звании своего однофамильца я не собирался. Не заслужил. От дальнейшего препирательства меня спас Чистяков. Проходя мимо (а может, специально подошел), сказал, что в ближайшее время рота получит новое обмундирование, но ботинки надо почистить. На этом процедура знакомства с новым взводным закончилась, и мы разошлись на занятия.

Судьба сложится так, что мне придется быть на фронте рядом со своим однофамильцем несколько месяцев. Это большой срок. Я, несмотря на возникшую с первой встречи неприязнь, хотел бы в нескольких словах описать его биографию, которую мы позже узнали.

Среднего роста, худощавый, с развитыми плечами гимнаста, Олег Семенович Егоров закончил десятилетку, отучился два курса в институте, а после начала войны поступил в Саратовское пехотное училище. Красивый, самолюбивый парень закончил его, как и школу, на «отлично». Лучшим из выпускников обещали сразу присвоить «лейтенанта», а с двумя кубиками прямая дорога в командиры рот, которых постоянно не хватало. Но самолюбивому, хорошо подготовленному парню не повезло. Кому-то из опытных, имевших боевой опыт выпускников присвоили «лейтенанта», и ушли они командовать ротами. В отношении молодняка начальник училища сказал примерно так:

– Ну, какие из них лейтенанты да командиры? Шесть месяцев бегом по верхушкам, а до войны командиров два года готовили.

Так Олег Егоров попал в стрелковый полк обычным командиром взвода, где никого не интересовало, как старательно он учился и что один из очень немногих имел за плечами десятилетку и даже два курса института. Взвод он принял нервный и сжатый, как пружина.

По существу, Олег оставался еще мальчишкой, не понимая, что звания, должности, успехи в спорте мало что значат. Шла война, более того, тяжелый и крайне неудачный для нас ее период. Удержать катившийся на восток мощный вал немецкого наступления – вот что было главным. Егоров этого тоже пока не понимал, да и реальную обстановку на фронте толком не знал. Мы дали крепко немцам под Москвой, дадим еще! Кроме того, младший лейтенант, прибыв в полк, на одной из посиделок с другими командирами хорошо выпил и похвалился «боевым» эпизодом из своей биографии.

Немцы постоянно пытались уничтожить с воздуха (реже взорвать путем диверсии) железнодорожный мост через Волгу. Это им так и не удалось, охрану наладили крепко. Весной сорок второго курсанты училища, помогая частям НКВД, участвовали в одной из операций по

поиску немецких диверсантов. Ничего особенного: прочесывали местность, задерживали подозрительных лиц. Никаких диверсантов в глаза не видели. Но однажды наткнулись на вооруженную группу, которая оказала сопротивление и прорывалась в лес.

Сотрудники НКВД понесли потери, был ранен кто-то из курсантов. Олег Егоров тоже стрелял по убегавшим людям в телогрейках, которых, взяв в плотное кольцо, частично перебили, а некоторых взяли живьем. Кто они были – диверсанты или обычная бандитская группа, расплодившиеся в годы войны, осталось для курсантов неизвестным. Но вернувшихся с операции встречали как героев, объявили благодарность.

Подвыпивший Олег красочно описал «бой», скромно намекнул, что одного из диверсантов уложил он лично. Увлечшись, рассказывал про свист пуль над головой, кое-где невольно завырался. Не замечал, как с усмешкой переглядываются в компании фронтовики, а старший лейтенант Чистяков постукивает мундштуком о стол, намекая разошедшемуся командиру взвода, что пора остановиться.

С тех пор фронтовики батальона Олега Егорова всерьез не принимали, иногда с сочувствием напоминали про опасную учебу в тылу. Прозвище Диверсант надолго прилипло к младшему лейтенанту. Поэтому Егоров так неприязненно воспринял эпизод с убитым немецким танкистом, считая, что его в очередной раз поддевают. Это родило неприязнь ко мне, которая, к сожалению, пройдет не скоро. С сержантами ссориться не решался, им палец в рот не клади, а на рядовых бойцах можно было от души показать настоящий командирский характер.

Пока не пришли новые командиры и достаточное количество пополнения, роту поделили на два взвода. Первым командовал Олег Егоров, вторым, временно, старший сержант Степа Кращенко. Максиму Усову и мне присвоили сержантские звания, оба были распределены, как обстрелянные бойцы, в первый взвод, командирами отделений.

Получили на складе лопаты, пилы, топоры, прочий инструмент и начали рыть две дополнительные большие землянки. Нам бы пришлось туго, но пополнение поступало быстро и сразу включалось в работу. Дней через десять рота уже выглядела нормальным подразделением. Призывники получили разномастное обмундирование, нам тоже заменили форму и обувь. Сапоги достались очень немногим, армия сорок второго года была сплошь обута в ботинки и обмотки. Так что лихие ребята из кинофильмов в новеньких сапогах водились только в штабах, ну и в специальных частях.

Пришли еще два лейтенанта. Один из запаса, второй – из госпиталя. Мне кажется, Чистяков облегченно вздохнул. Самолюбивый выпускник Саратовского училища не внушал ему доверия. И своим заместителем Чистяков назначил лейтенанта Млечика, тоже хлебнувшего Харьковского окружения и пробывавшегося к своим где-то неподалеку от нас.

С младшим лейтенантом Егоровым отношения у нас не складывались. Он болезненно переживал за свой авторитет, знал про дурацкое прозвище Диверсант и считал, что я подрываю его авторитет, распустил отделение, со всеми на «ты». Он не понимал, что все мы зарабатываем свой авторитет прежде всего в бою. Можно любить или не любить человека, но чего он стоит, покажет его поведение на передовой.

Тот трусливый боец, отсидевшийся в сарае, пока мы с одними винтовками бежали на танк, из шкуры лез, чтобы доказать, какой он славный парень. Но и в последних боях он вел себя так же трусливо. «Старики», подвыпив, не забывали напоминать, какая трусливая шкура водится в роте. Фамилия пусть забудется, останется кличка Бяша. Нам с ним придется еще вместе воевать. Молодые тоже сторонились его, и Бяша болтался в одиночестве.

Далеко не все бойцы проявили себя, как Максим Усов или Степа Кращенко. И в атаку, случалось, их подгоняли пинками, но все это забылось, а Бяша струсил в тот момент, когда страх одного мог обернуться смертью всех. Если бы, глядя на него, не кинулись на танк остальные, гнили бы остатки роты в изрешеченном пулями сарае.

Ну а мои отношения с младшим лейтенантом Егоровым? Как Чистяков сказал: «В батальоне всего два Егоровых и никак общий язык не найдут». Наверное, и я не всегда себя правильно вел, считая, что взводный ко мне придирается зря. Ну не мог я изображать из себя начальника и держаться строго официально со своим отделением. За два с лишним месяца столько смертей нагляделся, знал, что скоро всех этих 18–19-летних ребят кинут на передний край, где отсчет их жизней пойдет на дни и недели.

Я проводил с ними занятия, как этого требовал устав, не делал поблажек, когда проводились десятикилометровые марш-броски с полной выкладкой или часами осваивали не менее утомительное ползание по-пластунски. Особенно в дождь или после дождя, когда ребята из последних сил елозили животами по мокрой траве, чернозему и матом обкладывали войну, собачью жизнь, а заодно и меня.

С отделением я ладил, доказывая, что умение ползать многим спасет жизнь (это лучше, чем лобовая атака), а бесконечное рытье окопов – единственная защита от пуль и осколков. Во время перекуров или вечером в свободное время приходилось отвечать на вопросы, которых не рекомендовано касаться. Правда ли, новый немецкий пулемет МГ-42 мощнее наших и имеет скорострельность тысячу двести пуль в минуту? И что по-прежнему очень мало в небе самолетов, зато в избытке хватает «Мессершмиттов» и «Юнкерсов», а минометный огонь фрицы ведут с утра до вечера.

Я отвечал, что МГ-42 в теории может выпускать тысячу двести пуль в минуту, но так никто не стреляет. Сгорит ствол. Сказать, что «дегтярев» уступает немецким пулеметам, означало бы большие неприятности. К сожалению, МГ-42 превосходили по качеству и скорострельности все наши пулеметы. Я знал, что политработники поощряют явное вранье о подвигах наших бойцов. Любители вешать лапшу на уши водились. Один три десятка фрицев перебил, другой два танка гранатами поджег. И в то же время, упорно уходя от правды, политработники начинали ненужное разбирательство по любому доносу, когда командиры говорили о сильных сторонах вермахта. Чтобы не подвести Чистякова, да и себя, я отвечал на вопросы осторожно. Да, авиация фашистов доставляет немало неприятностей, но есть немало способов уйти из-под удара.

У фрицев действительно много минометов, однако наши бойцы придумали хитрое укрытие, «лисью нору», которая спасает человека даже при попадании мины в траншею. И тут же трофейным ножом чертил на земле схему «лисьей норы» – ямы в стене, которые действительно во многих случаях спасали от осколков.

– Правда, что вы из винтовки танк подбили? – спросил как-то меня рыжий парень из Саратова Гриша Маковой.

– Нет. Немецкий танк даже из бронебойного ружья подбить очень не просто. Я уложил механика-водителя, который вылез по нужде, а самое главное сделали бойцы нашей роты. Покойный старшина Горбуль «лимонку» удачно бросил, а товарищ Чистяков и сержант Осин через смотровые щели командира танка застрелили. Но нам эта победа шести человек погибших стоила, а седьмой от раны к вечеру умер.

Посыпались вопросы, и мне поневоле пришлось рассказать ту историю. Все бы ничего, но я упомянул, как немцы, прячась за броней, безнаказанно расстреливали наших бойцов, а мы сидели в сарае-ловушке. История не вышла за пределы взвода, но вызвала неожиданную реакцию младшего лейтенанта Егорова.

Он вызвал меня к Чистякову и высказал все, что думает. О том, что я никудышный командир отделения, заигрываю с подчиненными. Распустил язык и рассказываю идиотскую историю, как фашисты безнаказанно расстреливали убегающих, словно зайцы, красноармейцев.

– А потом этот меткий стрелок ухлопал механика-водителя, который случайно высунулся, и всех спас. В общем, снайпер-герой, а остальные в дерьме. Труссы и беглецы. Хвостун, а еще в сержантах ходит!

От обиды у меня затряслись руки, как в тот раз, когда я целился в механика-водителя. И хуже всего, что молчал командир роты Чистяков. Даже усмехался как-то нехорошо.

– Ладно, товарищ младший лейтенант, не разводи истерику, – наконец сказал он. Я понял, что Чистяков недоволен взводным, но продолжать разговор в моем присутствии не стал. – Иди, Егоров, занимайся с отделением.

Я уходил, с горечью рассуждая, что даже ротный не сказал в мою защиту ни одного слова. Тут, как назло, из взвода сбежали двое новобранцев, в том числе один из моего отделения. Хотя их вскоре задержали (искал весь батальон и комендантская рота), я снова имел неприятный разговор с Егоровым, которого вызывали в особый отдел. Расспрашивали про дезертира и других бойцов, ведутся ли пораженческие разговоры во взводе. Думаю, Егоров что-то наплел про меня, но Чистяков сумел все уладить. Через пару дней он вызвал меня к себе. Присутствовал и Максим Усов, назначенный помощником командира взвода.

– Слушай, Федя, твой рассказ о том, как немцы расстреливали убежавших бойцов, может плохо кончиться.

– Не убежавших, а прорывавшихся к своим, – угрюмо поправил я. – Они все с винтовками шли, чтобы дальше воевать.

– Теперь это уже не имеет значения. Егоров на тебя крепко обозлен, особенно после беседы с особистами. Пока он меня побаивается, но может вытряхнуть весь мусор и тебя крайним сделать. Диверсант в ротные рвется, две вакантные должности в полку имеются. Он один из кандидатов, а тут дезертирство. Сразу двое из его взвода. Очень просто в стрелочники попадешь, да еще пораженческие разговоры припишут.

– Не дураки же они, чтобы всякой ерунде верить, – вскинулся Максим Усов.

– Поверят. Немцы два дня назад Дон форсировали возле Новой Калитвы. Наши отступают, сейчас только виновных подавай. В роте тебе оставаться нельзя. Как смотришь на то, что мы направим тебя на снайперские курсы?

– Гоните из роты?

– Спасаем, много ты лишнего наговорил.

– На хрен мне такое спасение! К ребятам привык, сами же отделением командовать назначили. Показатели не хуже других, а может, и лучше.

– Я тебя из роты не гоню. Сержант ты хороший и воевал нормально. Хотел к награде представить, но какая, к черту, награда! На фронте вон что творится. А курсы организованы при нашем корпусе. В случае чего я тебя успею выдернуть. Снайперы в батальоне нужны.

Глава 2

Второй выстрел

И все же, собирая свои немудреные вещички, я больше обижался на Чистякова, чем на самолюбивого взводного. Я просто не представлял обстановку, которая творилась в тот период на южном крыле фронта. Иначе как хаосом ее назвать было трудно. Мы еще не успели прийти в себя от харьковской трагедии, где, по разным данным, потеряли убитыми и взятыми в плен до полумиллиона человек (об этом не сообщалось много лет), а немцы, форсировав Дон, продвигались к Сталинграду. В обстановке нервозности, повального дезертирства (было, и никуда его не вычеркнешь!) Чистяков решил избавить меня от ненужных дрызг. Конечно, он понимал, что переформировка не продлится долго, полк снова скоро уйдет на передовую. Ну а учеба позволит мне какое-то время остаться в тылу.

В приказе предлагалось направлять на трехмесячные курсы снайперов наиболее подготовленных, политически надежных бойцов и сержантов, имеющих хорошие показатели в стрельбе и желательный боевой опыт. Обдумав все, я понял, что это не худший вариант, если только не тормознут особисты. Но характеристики на меня и Григория Маковея, стрелка-спортсмена, готовил лично Чистяков. Взводный Егоров не вмешивался. Он был доволен, что я ухожу из взвода, а у особистов хватало других дел.

В учебном лагере корпуса, расположенного километрах в семи от моего полка, проходили подготовку пулеметчики, бронебойщики, связисты. Снайперский взвод сформировали впервые. Набралось нас человек тридцать пять. Были и фронтовики, и новички, призванные совсем недавно. Всего – три отделения.

Дело начинали новое, материальная база взвода состояла в основном из обычных трехлинеек. Снайперских винтовок имелось не более десятка: «мосинки», две-три самозарядки Токарева и даже трофейная польская винтовка с дорогим ореховым прикладом, явно принадлежавшая офицеру. Имелась также пара винтовок с раздвижным металлическим прицелом, но без оптики. Считалось, что, сдвигая металлические кольца до нужного диаметра, можно обойтись без оптических стекол. К счастью, это странное оружие вскоре убрали. Кому не достались снайперские винтовки, временно пользовались обычными.

Насколько я мог понять за время службы, снайперское дело в Красной Армии широко не внедрялось. Хотя после финской войны о снайперах заговорили. Я сам читал в газете «Красная Звезда» о том, что «кукушки» стрельбой из укрытий наносили «определенный урон» нашим войскам. Но командиры и бойцы быстро научились с ними бороться и уничтожали «кукушек» метким пулеметным и ружейным огнем. Ну, и шли рассуждения о повышенном уровне стрелковой подготовки в пехотных частях, внедрении специальных винтовок с оптическими прицелами.

Статья показалась мне расплывчатой, видно, автор имел слабое представление о снайперах, а термин «специальные винтовки» вызывал усмешку. В 1311-м пехотном полку снайперов я не видел. Возможно, в сорок первом – сорок втором годах было не до того. Зато немецкие снайперы появлялись на любом участке. Это они отучили многих наших командиров расхаживать на переднем крае в фуражках. За фуражками охотились, и вскоре лейтенанты и капитаны стали носить обычные солдатские пилотки. Ну а командиры рангом выше (особенно полковники и генералы) к передовой и близко не подходили. Берегли себя. Для них и блиндажи рыли очень глубокие, с мощным накатом из рельсов и бревен. Ну, об этом расскажу отдельно. А пока я втягивался в новую жизнь. Рассудив, воспринял назначение как повышение по службе. Да и само слово «снайпер» было окружено ореолом загадочности и особенного положения в

армии. Это уже не пехота, а нечто большее. Охотник на фашистских офицеров, наблюдателей, пулеметчиков. Куда интереснее, чем высидеть сутками напролет в траншеях.

Вначале у нас проверили зрение и слух. Из-за слабого слуха (следствие контузии) два человека были отсеяны. Остальных разместили в трех брезентовых палатках. Они казались намного уютнее, чем сырые полутемные землянки, но зато так нагревались на солнце, что часов до девяти вечера находиться в них было просто невозможно. Лишь спустя несколько дней догадались поднять нижние края брезента, получился хоть какой-то сквозняк. Командир взвода, лейтенант Белых Михаил Евдокимович, мне сразу пришелся по душе. Во-первых, тем, что уделил каждому курсанту какое-то время для личной беседы. Расспросил и меня, чем занимался до войны, кто родители. Знал он и о моем удачном выстреле в немецкого танкиста.

– До него не так и далеко было, – заскромничал я. – Метров сто или чуть больше.

– Недалеко, – согласился лейтенант. – На полигоне будем учиться поражать цели за пятьсот-восемьсот метров. Только любое попадание во время боя дается куда труднее, чем стрельбище. По себе, наверное, знаешь?

– Знаю. Мы ведь отход полка прикрывали, стрелять много пришлось. Когда в тебя пулемет бьет, руки трясутся и про прицел забываешь. Потом ничего, успокаиваешься.

– Значит, бывалый боец. Будешь сам учиться и новичков учить.

Как ходила ходуном винтовка, когда целился в немецкого танкиста, рассказывать не стал. От точности выстрела зависела жизнь всей роты (вернее, ее остатков), поэтому так играли нервы. С трудом успокоился, влил пулю точно в цель. А ведь у меня и до этого удачные попадания были. Поэтому я винтовку на автомат не менял, хотя имелась возможность подобрать ППШ в брошенной траншее.

Когда началась учеба, оказалось, что я, как и другие, не знал самых простых вещей, необходимых для снайпера. Впрочем, профессиональных специалистов на курсах почти не было. Лейтенант Белых раньше возглавлял пулеметный взвод, а готовить снайперов его поставили, как крепкого командира и специалиста по оружию.

Помкомвзвода старший сержант Ангара (фамилия или прозвище?), родом из Сибири, служил в армии с тридцать девятого года, а войну начал под Москвой. Он единственный во взводе обладал опытом стрельбы из снайперской винтовки, имел на счету сколько-то убитых немцев, имел редкую для лета сорок второго года награду, медаль «За отвагу». Говорят, представили к ордену, но в суматохе отступления представление затерялось.

Ангара отлично стрелял из любой винтовки, умел хорошо маскироваться и выбирать место для ведения огня. Как и большинство мальчишек в его сибирской деревне, он учился охоте с детства. Лет с пятнадцати уходил с отцом каждую зиму в тайгу на пушной промысел. Хорошие заработки, непростая, порой опасная жизнь в глухой тайге (отца искалечил перед войной медведь-шатун) сформировали у Ангара решительный, волевой характер. К сожалению, в свои двадцать два года, привыкнув к свободной жизни и хорошим заработкам, он смотрел на большинство людей свысока. Его насмешки звучали порой оскорбительно.

Городских ребят он считал бездельниками. Любимым выражением, когда отчитывал провинившегося даже по пустякам курсанта, было: «Грамотный, да? Много книжек прочитал?» Сам Ангара закончил пять классов и гордился, что настоящую школу прошел в тайге, а затем на фронте. Колхозным парням, не успевшим освоить как надо оружие, он обязательно напоминал: «Это тебе не коровье говно выгребать!» И начинал перечислять, в общем-то, правильные вещи. Что не надо слишком долго целиться, не дергать спусковой крючок, делать поправку на ветер и т. д.

Подобное отношение восстанавливало против Ангара многих курсантов, особенно фронтовиков. Ведь, несмотря на приказ, направляли на курсы и новобранцев, имевших за плечами лишь сданные нормы ГТО или спортивный разряд по стрельбе. Взяв впервые в руки

боевую винтовку, они терялись. Опытных бойцов командиры всегда предпочитали оставлять в своих подразделениях.

Курсанты Ангара недолюбливали, отвечали порой резко (особенно фронтовики), за что расплачивались внеочередными нарядами, чаще всего чистили нужник, убирали территорию. Лейтенант Белых своего помощника поддерживал и, как казалось, о замашках старшего сержанта не знал.

Слово «снайпер» в сорок втором году не было слишком распространенным. Позже, когда на фронте я вдоволь хлебну «снайперской каши», отлежу в медсанбате, госпитале, и лишь тогда пойму, что выбрал профессию далеко не романтическую, весьма далекую от героев Фенимора Купера.

А пока я старательно постигал то, чему меня учили. Понимал, что я все же младший сержант, да и не хотелось подводить ротного Чистякова. Если он обещал снова забрать меня в свою роту, то обещание обязательно выполнит. Но снайперские курсы, если сказать прямо, во многом меня разочаровали. Они были рассчитаны на три месяца, программу утверждало высокое начальство, в том числе комиссар корпуса. Как водится, напихали сюда химзащиту, строевую подготовку, изучение уставов, политзанятия и прочее.

Наверное, все это нужно. Но второстепенные предметы безжалостно пожирали половину учебного времени. Лейтенант Белых и Ангара хорошо понимали, что трехмесячная программа составлена формально. Если скрупулезно следовать всем пунктам, то на главное времени не останется.

Нас уводили на стрельбище или в степь, где мы целыми днями постигали снайперские премудрости. С другими преподавателями как-то договаривались и до минимума сокращали второстепенные предметы. И Белых, и Ангара болели за свое дело и, рискуя, сворачивали даже политзанятия. Убедили не слишком расторопного замполита, что бойцы охотно читают газеты и нужную литературу в свободное время и на перекурах. Поэтому удалось сократить изучение всякого политического чтива, брежневских статей о сказочных подвигах красноармейцев и политработников. Были и подвиги, и отчаянное сопротивление отступающей армии, не давшее фрицам парадным маршем двигаться к Волге и Кавказу. Но уж слишком казенно и с явными натяжками подавался любой материал. Поэтому полезнее было провести лишний час на стрельбище или на тактических занятиях.

Получилось так, что на курсах я проучился шесть недель, но полезного усвоил много. Насчет сдачи нормативов по стрельбе проблем во взводе почти не было, ребята стреляли хорошо. Но лейтенант Белых сразу понял главное, чего нам не хватало. Он сделал упор на тактическую грамоту. Умение маскироваться и правильно выбирать место для ведения огня, вовремя исчезать, пока тебя не забросали минами. Помню, меня удивило, что перед любым выходом «на охоту» необходимо вначале, кроме разведки, оборудовать основную, запасную и ложную позиции. После первого, максимум второго, выстрела независимо от результата, надо срочно менять укрытие. А если уложил фрица, особенно офицера, артиллерийского наблюдателя или пулеметчика, то сразу отползать как можно дальше.

– Немцы без ответа такие вещи не оставляют, – рассказывал лейтенант. – После удачного выстрела ждите хорошего минометного огня. Могут и гаубичных снарядов не пожалеть.

Что еще запомнилось из того периода? Трудно давалось неподвижное нахождение в засаде, когда категорически запрещалось двигаться. Мочились, считай, под себя, повернувшись на бок. Потом приходилось стирать белье и брюки. Если припирало с кишечником, выкручивались, проявляя чудеса изобретательности. Дело, как говорится, житейское, но за лишнюю возню и демаскировку нам снижали баллы и снова отправляли в засаду.

Даже перед долгой «охотой» ограничивали себя, когда пили чай или воду (брали фляжку с собой), а особенно избегали плотной еды. Пять-шесть выходов помогли изучить особенности

своего организма. Чтобы не лежать голодными, брали с собой хлеб и кусочки сахара, которые нам специально выдавали. Сахар, считалось, обострял зрение.

Как я упоминал, стрельба по мишеням шла неплохо. Но это было, пока мы осваивали тактику и приемы стрельбы до пятисот метров. Проблемы начались, когда передвинули планку до семисот-восьмисот метров и даже до километра. От «километра» пришлось сразу отказаться, потому что уже на семисотметровой дистанции начались сбои. Это расстояние после нескольких стрельб большинство осилили, зато мишени, поставленные на восьмисот метров, поражали менее половины бойцов взвода.

Кому приходилось стрелять из трехлинейной винтовки, знает, какая у нее сильная отдача. Промазав раз-другой, курсанты начинали нервничать. Нарушалось одно из главных правил стрельбы – не целиться долго, так как напряжение сбивает прицел. Бесцеремонные выкрики и ругань помкомвзвода Ангара добавляли нервозности.

– Что ты трясешься, как девка перед случкой? Тьфу, колхозник!

Крепко доставалось за промахи молодым ребятам, особенно Вене Малышко, пареньку из Пензенской области, с которым мы подружились. Оправдывая фамилию, Венья был небольшого роста, до призыва отлично стрелял из малокалиберки. На курсах успешно выполнял нормы на пятьсот-шестьсот метров, но «восьмисотка» ему не давалась. Ангара грозился списать парня с курсов, но это лишь ухудшало результаты хорошего, старательного парня. Доставалось и мне, хотя я шел в первой десятке взвода.

– Егоров, ты долго еще целиться будешь? Это тебе не танкист, который за сто шагов чесался, да никак поссать не мог.

Не выдержав, крикнул в ответ:

– Не стой над душой! И хватит танкиста вспоминать. Насмотришься на них на фронте, если в тылу не прижухнешь.

– А ну встать!

– Да пошел ты на хрен. Не мешай, у меня еще два патрона осталось. Поговорим, когда отстреляюсь.

Ангара, что называется, закусил удила и отстранил меня за неподчинение. Будь старший сержант подлым по натуре, мог бы навесить на меня срыв боевой подготовки. А это пахло не только нарядами или гауптвахтой, а более серьезными последствиями. Но помкомвзвода, хоть и бесцеремонный, грубый, стукачество презирал и ограничился двумя нарядами.

– Оставляй винтовку и шагом марш в городок.

Отстранение от стрельб считалось позорным наказанием. Отстраняли новичков за ротозейство, случайный выстрел, когда все шарахались от шальной пули. Однажды отстранили курсанта, неосторожно уронившего винтовку. Мог разбиться дефицитный оптический прицел. Но я ничего подобного не совершал. Нормально стрелял, вложил две пули из трех в мишень и собирался достреливать обойму.

Вечером в учебном взводе было беспокойно. Ребята сидели в курилке и открыто обсуждали поведение Ангара. Говорили, что оскорбления со стороны старшего сержанта лишь мешают учебе. Ангара, проходя мимо, остановился и попытался утихомирить курсантов своим любимым способом – на глотку. Не получилось. Один из фронтовиков рассудительно заметил, не глядя на Ангара:

– Наш помкомвзвода не иначе от контузии не отойдет. Ему бы в санчасть сходить, к доктору. Ну, чего он опять орет?

Лейтенант Белых постарался сгладить ситуацию, но понял, что дело может дойти до политработников и тогда начнется такая тягомотина, что всем станет тошно. Впервые лейтенант выдал на полную катушку своему заместителю. Ангара кинулся было писать рапорт о переводе в любой уходящий на фронт полк, но вовремя сообразил, что лишь наживет неприятности.

Старший сержант немного приутих. А Белых сумел получить через службу тыла десяток снайперских винтовок с оптикой и примерно столько же оптических прицелов, которые вскоре установили на трехлинейки. До этого весь взвод стрелял из 5–7 снайперских винтовок по очереди. Теперь, когда все получили «свои» винтовки с оптикой, результаты значительно улучшились. Мишени на восьмисотметровой дистанции стали поражать более успешно.

Несмотря на сравнительно малый срок учебы, первоначальную снайперскую подготовку я получил. В память крепко врезались несколько простых наставлений и советов, которые я занес в свою записную книжку. Большинство из них оказались дельными и не раз спасали жизнь на передовой, другие не совсем подходили к конкретной местности, некоторые приемы не приживались. Но все это я говорю о своем личном опыте. Книжка не сохранилась, однако пробыла со мной на фронте два года, и почти все я запомнил наизусть. Попробую эти записи воспроизвести:

Пункт первый. Выбирая место для ведения огня, заранее лично осмотри его, подготовь несколько позиций (основную, запасную, ложную). Определи пути отхода, в том числе на случай внезапного обстрела.

Пункт второй. Наиболее важные цели, которые следует поражать в первую очередь: вражеские снайперы, офицеры, артиллеристские наблюдатели, разведчики, орудийные и пулеметные расчеты.

Пункт третий. Нежелательно выбирать место, которое бросается в глаза: купол церкви, водонапорная башня, отдельно стоящий подбитый танк, одинокое дерево с кустарником у подножия.

Пункт четвертый. Позицию для ведения огня предпочтительно выбирать с учетом хорошего кругозора, на возвышенности. Это позволит поражать наиболее важные цели, держать в поле зрения вражеские траншеи и подходы к ним.

Этот четвертый пункт, как я позже убедился, оказался самым неудачным среди наставлений. Любая возвышенность, откуда просматривались немецкие траншеи и тылы, всегда находилась под особым наблюдением. Оптиками у немцев хватало, и наблюдатели засекали там малейшее движение. Окопы против минометного огня зачастую не спасали. Холм или курган были заранее пристреляны минометами. Наблюдатели и снайперы нередко гибли при «дежурных» обстрелах, которые вели не только минометы, но и гаубицы, особенно брызгантными снарядами или шрапнелью. Они взрывались в воздухе и буквально дождем осколков поражали все живое.

Пункт пятый, который раздельно, по слогам, со своей обычной назидательностью, произнес старший сержант Ангара, советовал нам выбирать неприметные, «серые места»: заросли бурьяна, изрытое воронками травянистое поле, брошенные перепаханые траншеи, развалины домов.

Пункт шестой. Не забывать, что оптика дает отблеск, а значит, следи за солнцем. В зимнее время цевье и ствол винтовки необходимо обматывать бинтами.

Были и другие полезные советы: не делать лишних движений, не метаться, если тебя ранили, не греться водкой, а лучшая еда, если уходишь надолго, – хлеб, сахар, ну и, конечно, фляжка воды. Сало или тушенка вызывают сильную жажду. От такой еды лучше отказаться.

Лейтенант Белых предупредил, что по прибытии на передовую необходимо сразу наладить контакт с разведчиками, саперами и, конечно, командирами рот, на позиции которых мы будем действовать. Нам всегда помогут, укажут минные поля, дадут необходимую информацию. Насчет саперов и разведчиков – верно. А вот насчет командиров рот... Как с ними поладить, если в ответ на удачный выстрел немцы начинают сыпать мины. На кой черт пехоте такие соседи нужны.

– Мы им не подчиняемся, – заявил Ангара. – Обычно снайперские отделения находятся при штабе полка.

– Из штаба, что ли, по фрицам пулять станешь? – засмеялся Гриша Маковей. – С пехотой дружить надо и не подставлять их под удар. Мы все оттуда.

Маковей работал на военном заводе и ушел добровольцем на фронт. Тоже попал в окружение, чудом ушел из танкового кольца. Мы подружились и обычно держались втроем: Гриша, Веня Малышко и я. Я считался старшим (все же сержант), а Веню Малышко оба опекали. Войны он еще не нюхал.

Маковей рассказывал, что с завода ушел с большим трудом. Токарей не отпускали. Когда увидел на передовой раздавленные гусеницами трупы с выпущенными кишками и сам полдня пролежал в засыпанной землянке, ругал себя, как последнего дурака, в чем признался лишь мне:

– Какого хрена с теплого места убежал? Надоело по тринадцать часов за станком стоять. Занудился! На военном заводе жить можно. На обед гороховый суп с мясными обрезками давали. Пайка хлебная, как на фронте, а токарям еще в ночь крепкий чай полагался, чтобы не заснуть и на вал не накрутиться. Там никого танками не давили, даже бомбежек почти не случилось.

Насчет контакта с пехотой Гриша говорил верно. Ротные командиры и минометчиков гнали, не желая попасть под раздачу за чужие успехи: «Идите, ройте ямы для своих самоваров, куда подальше! А то повадились прятаться за чужими спинами». Надо думать, что и снайперов встретят с такой же радостью. Но Ангара всегда любил за собой оставить последнее слово:

– Ты, рыжий, гляжу, всего боишься! И танков немецких, и ротных лейтенантов. Девочек тоже обнимать боялся?

– Зато ты, кучерявый, первый парень на деревне. Куда ни глянь, Ангара – герой!

– Герой, – подтвердил я, поддерживая товарища. – Он же под Москвой воевал. Медаль вон какую блестящую получил.

Сказал я это не просто так. Ангара любил к месту и не к месту напомнить, что он участвовал в декабрьском наступлении сорок первого года, и если бы не сибиряки, неизвестно, как бы все там сложилось. А медаль «За отвагу» чистил мелом, чтобы она все время блестела. Лейтенант приказал прекратить перепалку, а потом спокойно разъяснил, что где бы мы ни числились, а позиции для стрельбы будут на территории пехотной роты, и нам придется считаться с мнением ротных командиров.

– Им бы только в блиндажах сидеть, – опять подал голос Ангара. – Мы фрицев не трогаем, и они нас не трогают!

Те, кто успел повоевать в пехоте, побывали в ситуациях, когда установленные вплотную к траншеям в помощь нам легкие пушки и минометы вызывали на себя шквальный ответный огонь фрицев. Роты несли большие потери. Не хочу, чтобы у кого-то возникло мнение, будто склоки были обычным явлением на курсах. Это не так. Но любая учебная часть, маленькая или большая, состоит из живых людей с их привычками, недостатками. Многие уже потеряли близких, сами хватили лиха на передовой.

Это не могло не накладывать свой отпечаток на поведение курсантов, средний возраст которых составлял 19–20 лет. В целом мы жили дружно. Каждое отделение составляло без преувеличения как бы небольшую семью. Было принято делиться добытой где-то едой или присланными из дома продуктами.

Однажды двое ребят из нашего отделения забрели на консервный завод. Принесли десятилитровую банку яблочного повидла. Отделение прибрало банку, не отходя от кассы. Я съел без хлеба, запивая водой, с килограмм сладкой, не доваренной до конца массы, Желудок, хоть и с трудом, выдержал такую нагрузку, а на повидло я не мог смотреть несколько месяцев, даже когда голодал.

Вообще, питание в августе сильно ухудшилось. Суп и каша стали совсем жидкими, выручали только пайки хлеба. Тем летом всех нас не покидало ощущение голода. Воровали в садах яблоки, груши, сливы. Один из курсантов-пулеметчиков пытался продать украденные ботинки. Его поймали, исключили из комсомола и отправили рядовым в маршевую роту, уходящую на фронт. Повезло, что не попал в штрафную роту. Жесткий приказ Сталина № 0227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад» тогда только начинал действовать. Под этот приказ попадали не только те, кто находился на фронте, но и провинившиеся курсанты, тыловики. Начальство торопилось в донесениях отрапортовать о принятии приказа к исполнению.

Наш снайперский взвод этот приказ затронул мало. Кто-то отсидел «на губе» суток пять за самоволку, кого-то пропесочили на комсомольском собрании за лишнюю болтовню. Но некоторые бойцы в дивизии попали под раздачу крепко. Общий настрой (особенно среди бойцов в возрасте) оставался летом сорок второго подавленный. Те, кто чудом вырвался из Харьковского котла, в который попали войска маршала Тимошенко, теряли веру в командиров. Дальнейшее наступление немцев усиливало растерянность и страх, дезертиров в тот период хватало с избытком.

Некоторые исчезали с концами, другие, побродив по окрестным селам и понимая, что не спрятаться, возвращались. Их первое время отправляли без особого шума на фронт, затем в формируемые штрафные роты. Два дезертира из минометной роты убежали с оружием, совершили несколько грабежей, отбирая у крестьян продукты и одежду. Их расстреляли по приговору военного суда в присутствии представителей рот и батальонов. Я избежал этого зрелища, а Веня Малышко, потрясенный, рассказывал:

– Обоих лицом к яме поставили. Босые, без ремней, пилоток. И четверо исполнителей с винтовками. Залп треснул, они как сломанные куклы свалились. Прямо там, где стояли, на краю ямы-могилы. А старшина их ногой спихнул и два раза из нагана пальнул. Понимаешь, Федя? Как сломанные куклы! Я считаю...

– Венька, успокойся! – крикнул я.

Мой товарищ находился на грани истерики. Я увел Веню в сторону, мы покурили. Он спросил:

– Федя, правда, что во время атаки две трети людей в ротах гибнут?

– Нет. Погибает, конечно, меньше. Если раненых считать, то случается, половина роты выбывает. Только ты про это не думай. Нам в атаки ходить не придется. Мы же снайперы.

Я кривил душой. На фронте творилось что-то непонятное. Все чаще звучало слово «Сталинград». Однажды ко мне пришли Степа Кращенко и Максим Усов. Поговорили о том о сем. Затем Максим спросил:

– Ты в роту хочешь вернуться?

– Хочу, конечно.

– Тебе сколько еще учиться?

– Начать и кончить, – засмеялся я. – Полтора месяца. Даже немного побольше.

– Нас отправляют со дня на день. Если согласен, Чистяков подготовит письмо на имя командира учебного полка. В штабе у него неплохие связи, должно сработать. Ну, чего молчишь?

Новость оказалась неожиданной, но я без колебаний согласился. От передовой не уйдешь, а воевать в незнакомом подразделении не хотелось. В стороне топтался Веня Малышко. Он что-то почуял, но подойти не решался, догадывался о причинах. Ведь из учебных рот и батальонов уже всюю направляли на фронт курсантов, имеющих боевой опыт. Учебную программу сжимали до предела.

– Можно, я с Малышко поговорю? Снайперы парами работают, а он мой напарник.

Веня Малышко был из тех бойцов, которые держатся обособленно и робко. Он привык ко мне и Грише Маковею, сторонился остальных. Ангару просто ненавидел за постоянные

насмешки и кличку Колхозник. Веня ушел в армию добровольцем в семнадцать лет и на курсах, несмотря на старательность, результаты показывал весьма средние. Ничего, доучится на фронте.

Дальше все завертелось колесом. Через два дня нас с Малышко вызвал лейтенант Белых и показал запрос командира моего 1311-го стрелкового полка с просьбой о направлении курсантов Егорова и Малышко в этот полк в связи с выполнением специального задания.

– Ну, куда ты спешишь? – вздохнул Белых. – И мальчишку за собой тащишь. У тебя образование, опыт, я тебя планировал на должность помкомвзвода.

Я пожал плечами и не нашел ничего лучшего, как извиниться.

– За что извиняться? Из тыла на фронт идешь. А ты, Веня? Тебе до восемнадцати лет на курсах еще месяца два держаться можно.

Малышко ничего не ответил, только сопел. Молчание затягивалось. Лейтенант махнул рукой и сказал, чтобы мы собирались.

– Как насчет оружия? – спросил я.

– Пойдете в полк со своими снайперскими винтовками.

У меня была самозарядка СВТ, у Вени Малышко – обычная винтовка Мосина. Мы к ним привыкли, неплохо пристреляли, изучили особенности оптических прицелов ПУ-3,5 (приближенные три с половиной кратности). Нам выдали сапоги и новые, яркие, как майская трава, маскхалаты. Конечно, они будут выделяться на фоне выгоревшей за лето травы, но старые маскхалаты мы изодрали во время учебы.

– Ничего, – сказал старшина. – Постираете разок-другой да на солнце хорошо посушите. Краска быстро поблекнет.

Несмотря на острый недостаток обмундирования, получили все новое: гимнастерки, брюки, белье, даже бушлаты. Так полагалось при отправке на фронт. Не знаю, как в других подразделениях, а на снайперских курсах этого правила придерживались строго.

Уже начали прощаться с ребятами, когда лейтенант Белых сказал, чтобы мы пока оставались на месте. Оказалось, что на фронт уходит вся наша дивизия и приказано сформировать для каждого пехотного полка отделение снайперов. Срочно экипировали еще несколько человек. В 1311-й полк направляли отделение из шести снайперов. Неожиданностью стало назначение Ангара командиром нашего отделения.

– Думали, я вас просто так отпущу, – пытался шутить Ангара, но мы не хотели вступать с ним в разговор.

Его высокомерие не могли простить долго. Кстати, на фронт он ушел не совсем добровольно. Хотя, к его чести, следует отметить, что Ангара не цеплялся за связи и не делал попыток остаться в тылу. Взводному Белых просто надоели конфликты, возникавшие у Ангара с курсантами, и его завышенное самомнение. Рассуждал лейтенант примерно так: «Шагай, приятель, на передовую. Учебная рота тебе на пользу не идет. Мы уж как-нибудь без тебя обойдемся, замена есть».

Ангара, в отличие от нас, уходил на фронт с некоторым чувством обиды. Слишком был уверен в своей незаменимости, а его, даже не вызывая на беседу, просто включили в приказ. Лейтенант Белых уже сам многому научился и не любил пустых разговоров.

Глава 3

Оборона под кручами Дона

Вот уже неделю как, сменив потрепанную в летних боях дивизию, мы занимаем оборону по левому берегу Дона, примерно километрах в трехстах северо-западнее Сталинграда. Когда поднимали по тревоге дивизию и, не доучив, направили в распоряжение штаба курсантов-снайперов, все считали, что идем в Сталинград.

Однако полки и отдельные подразделения дивизии, растянувшись длинной полосой, зарывались в землю и песок, укрепляя линию обороны с целью удержать врага и не дать переправиться через Дон. О реальной обстановке в Сталинграде, вокруг которого развернулось огромное сражение, мы знали мало. В газетах, как обычно, публиковали бодрые статьи, приводили цифры немецких потерь и всякие лозунги. Мы знали лишь то, что город сильно бомбили и ожесточенные бои идут на окраинах.

На высоком правом берегу с кручами и холмами засели итальянцы из 8-й экспедиционной армии, где-то левее – румыны. Фрицы доверили своим союзникам фланги, надеясь, что они сумеют удержать высоты, с которых наш низкий берег просматривался на десятки километров. Мы были у итальянцев как на ладони: песчаная полоса у берега, широкие открытые поляны. Однако нас защищал густой пойменный лес. Хотя и не сплошной, но целые рощи дубов, вязов, тополей служили неплохим укрытием. На берегу многочисленных заливов росли огромные ветлы, ивы, корявый, очень твердый карагач, о который тупились топоры и пилы. Среди деревьев мы рыли траншеи, оборудовали землянки, в глубине располагались артиллерийские позиции.

Днем берег с нашей стороны вымирал. Запрещалась беспечная ходьба по лесу, большинство работ проводилось ночами. Проселочные дороги и места, где могла располагаться артиллерия, давно пристреляны. Если кто и рисковал двигаться днем, это посыльные мотоциклисты или конники из казачьих частей, которые знали все ложбины и рощицы, где можно проскользнуть по срочным делам. Но и для них это было далеко не безопасно.

На наших глазах накрыло с третьего-четвертого снаряда мотоциклиста-одиночку, мчавшегося километрах в полутора от берега. Взрыв подбросил мотоцикл, и тот развалился на куски, разбрасывая по сторонам колеса и мелкие железяки. Курьер так и остался лежать возле догоравшего остова. Его пытались вытащить, но точный огонь с высот не дал приблизиться к погибшему до темноты.

В наше отделение из шести человек (три снайперских пары) попал также мой друг Гриша Маковой с напарником из молодых, Васей Колобовым. Фамилию еще одного человека в отделении, напарника Ангара, я не запомнил. Старший сержант первое время пытался по привычке командовать, но получилось, что его основные обязанности свелись к ведению документации.

За время моей учебы сменили командира полка. Подполковник в кителе с двумя орденами, в ослепительно начищенных сапогах с любопытством оглядел наше отделение. Никаких вопросов с его стороны не последовало. Он коротко сообщил:

– В штабе и так людей больше, чем надо, толчется. Распределитесь по парам, как раз одна пара на батальон. Там станете на довольствие. Старший ведет снайперские карточки и регулярно докладывает о ваших снайперских трудах помощнику начштаба по разведке.

Он кивнул на капитана, стоявшего рядом с ним, и важно удалился в свой блиндаж. Действительно, в штабе, за пять километров от передовой, нам делать было нечего. Молодой подполковник высоко ценил свою безопасность. Глубокий блиндаж на склоне лесистой балки рас-

полагался, на мой взгляд, далековато от реки. Комполка не стремился лично наблюдать за положением дел на передовой. Впрочем, это было не мое дело.

Помощник начальника штаба по разведке капитан Ясковец долго втолковывал, что от нас ждут. Оказывается, ждали многого. Наблюдение за передним краем, прикрытие разведчиков, которые переправляются через Дон за языками, уничтожение вражеских наблюдателей, офицеров.

– Главное, не давать итальянцам нагнеть. Поводились торчать на верхушках холмов со своей оптикой. Километров на десять в тылу все видят. Обещаю за первых двух снятых наблюдателей представить любого из вас к медали.

– Остальных гадов тоже можно отстреливать? – спросил Ангара. – Или только наблюдателей и офицеров?

Капитан немного подумал, помолчал, затем не спеша закурил «беломорину» и передал пачку по кругу:

– Курите. «Беломор» ростовский... а врагов бейте всех подряд.

Противореча себе, сказал, что до особого распоряжения стрельбу не открывать, а внимательно изучить вражеские позиции.

– Сколько же их изучать? – засмеялся Ангара. – Неделью, месяц...

– Я дополнительно дам указание.

Помощник начальника штаба полка, он же начальник разведки, произвел на меня двойственное впечатление. Подкупало, что человек повоевал, имеет нашивку за ранение, держится с нами просто. С другой стороны, в нем не чувствовалось той рассудительности и глубины суждений, которые должны быть свойственны командиру его ранга. Он прибыл на позицию за неделю раньше, вместе с разведкой, саперами и одним из батальонов. Но ничего интересного о вражеских частях, оседлавших донские кручи, не сообщил. Значит, в обстановке еще толком не разобрался. Впрочем, если по примеру командира полка он оборудовал аппарат управления разведкой за пять километров от передовой, то вникать в положение дел ему придется долго.

Мы тогда еще не знали, что капитан, не просчитывая последствий, буквально сразу направил одну за другой две группы разведчиков и саперов на правый берег. Хотел с ходу захватить языка и по прибытии остальных батальонов доложить командиру полка точные сведения о противостоящих нам частях.

Разведгруппы подготовил неплохо, даже привез за полста километров три легкие лодки. Но не учел многого, а главное, поторопился. Обе попытки закончились хуже некуда. Первая группа, попав в мощное течение под обрывом правого берега, отчаянно выгребала к нужному месту. Итальянцы слышали шлепки весел, осветили все ракетами и перебили разведчиков из пулемета. Вторая вылазка закончилась, едва начавшись. Лодку высветили ракетами рядом с нашим берегом, а затем ударили из легких орудий и минометов. Из пяти человек выплыли лишь двое.

Но об этом мы узнаем позже, а пока я слушал капитана и даже обратился к нему с просьбой направить меня с напарником в третий батальон, ближе к своей родной восьмой роте. Ясковец кивнул, потом запоздало спросил Ангара, не возражает ли тот.

– Никак нет, товарищ капитан. Егоров раньше служил в восьмой роте. Среди своих воевать веселее. Да и всякие проблемы легче решать.

Потом состоялась беседа с комбатом, который выделил нам с Малышко место в землянке связистов. Он заявил, что подчиняться мы будем лично ему, но постоянно лезть в наши дела не собирается. Комбат Ефимцев тоже носил капитанскую «шпалу», однако орденов еще не заслужил, а имел лишь медали «20 лет РККА» и «За боевые заслуги». В сорок втором году даже такой скромный набор наград считался достаточно высоким.

Связисты, особенно кто постарше, хоть и приняли нас нормально, но, не скрывая, с досадой переговаривались о том, что в батальоне появилась новая зубная боль.

– Вы там стреляйте поменьше, – сказал командир отделения. – Лучше наблюдайте.

Если штаб батальона располагался метрах в шестистах от берега, то моя родная восьмая рота рыла траншеи и землянки в излохмаченной снарядами и минами дубовой роще, рядом с Доном. Я сходил к ним один, без напарника. Обнялись со Степой Кращенко и Максимом Усовым, будто год не виделись. Представился ротному Чистякову, сообщил, что территория моей будущей «охоты» – третий батальон.

– Ты днем поменьше шастай, – предупредил ротный. – Это хорошо, что у нас теперь снайперское прикрытие, но место, сам видишь какое. Берег просматривается с круч, и обстрелы постоянные.

Словно подтверждая его слова, зашелестели мины, ударил один, второй взрыв. Мы нырнули в траншею, а мины продолжали сыпаться, взрываясь на земле, среди веток деревьев, врезались в дубовые стволы. Сверху сыпались земляные комья, обломки ветвей, осколки. Ну вот я снова на войне.

На третий день нашего пребывания в батальоне приходил Ангара, расспросил обстановку. Разговор шел на равных, без подколов и командирских указаний. Первые дни проходили сумбурно, привыкали к новому месту, хватались то за одно, то за другое. Батальоны растянулись по фронту километра на полтора-два каждый. Если учесть извилистую береговую полосу, заливы, ерики, камышовые болотца, то цифру можно увеличить в два раза.

Главной задачей полка было не допустить переправы немцев или итальянцев на левый берег и захвата плацдарма. В условиях тяжелых боев в Сталинграде это означало бы, выражаясь военным языком, «резкое осложнение оперативной обстановки». Итальянцы уже делали попытку форсировать Дон. Об этом напоминали два расклеванных до костей трупа, лежавших на песчаной косе. Там же торчал обгоревший остов вездехода-амфибии. Дивизия, занимавшая оборону до нас, отбила несколько попыток, но понесла большие потери.

На дощатых пирамидках, установленных на братских могилах, не указывалось количество погибших бойцов и командиров, но, судя по всему, в землю легли сотни людей. Да и наш полк за первую неделю сразу потери понес немалые.

Все мы знали, что южнее, между станицей Еланской и городом Серафимович, в конце августа наши части внезапным ударом захватили плацдарм на правом берегу. Чтобы предотвратить подобное, итальянцами обстреливались наиболее густые участки леса, балки, ерики. Кроме мин, в нашу сторону летели снаряды многочисленных пушек среднего калибра и 105-миллиметровых гаубиц. Гаубицы нередко вели огонь бризантными снарядами, взрывающимися в полусотне метров над землей. Осколки срезали кроны деревьев, доставали бойцов даже на дне траншей.

Тяжелой артиллерии у итальянцев насчитывалось немного, но раза три в неделю они обязательно пускали в ход установленные где-то за холмами шестидюймовые гаубицы. Огонь их был неточен, но «чемоданы» весили полцентнера. Если находили цель, то не спасали ни узкие глубокие щели, ни блиндажи с тройным накатом бревен и метровым слоем земли. Впрочем, блиндажей было мало – в основном легкие землянки, спрятанные ближе к толстым дубовым стволам.

За несколько недель девятая рота потеряла человек двадцать пять убитыми и ранеными, а на батарее повредило близкими попаданиями две пушки. В роте Чистякова тоже похоронили двух или трех бойцов, еще несколько контуженных и раненых отвезли в санбат.

Мы с Ваней Малышко обычно выползали на выбранные позиции перед рассветом и находились там до темноты. Хотя дни в сентябре стали не такими длинными, но лежать приходилось по 13–14 часов. На следующий день имели право отдыхать. Уставали сильно, никогда не думал, что дни могут тянуться так долго. Лежали, почти не шевелясь, на берегу, среди кустар-

ника. Только там имелась возможность хорошо разглядеть позиции итальянцев. Вскоре мы уже знали, где находятся пулеметные гнезда, окопы артиллерийских наблюдателей.

По узким тропинкам среди деревьев спускались за водой к Дону на рассвете итальянские солдаты с канистрами или большими флягами для воды. Форма была серо-голубого цвета, кепи-пилотки (реже каски), странные брюки с напуском ниже колен, чулки-носки и башмаки с шипованными подошвами. Здесь они находились как на ладони, расстояние составляло метров триста. Слышались голоса, кто-то даже купался или ловил глушеную рыбу, которую несло течением вдоль обрывистого правого берега.

За вершинами холмов наблюдать было трудно. Приходилось постоянно задирать голову, а за неимением биноклей временно снимали с винтовок оптические прицелы. Из-за этого каждые два-три дня винтовки приходилось пристреливать, уходя подальше от берега. Думаю, что свой боевой счет я мог бы открыть в первые же дни. Трое итальянцев задержались на берегу. Яркие освещенные восходящим солнцем, они представляли отличную мишень. Следуя приказу, я не стрелял. Лишь по очереди поймал в перекрестье прицела их лица и дал возможность безнаказанно уйти всем троим.

Спустя несколько дней меня вызвал комбат Ефимцев. Перед этим случился сильный обстрел, один из гаубичных снарядов взорвался рядом с его блиндажом. Погибли командир взвода, двое бойцов, а человек пять получили сильные контузии и переломы костей. Ефимцеву было под сорок, и он иногда называл меня «сыноком». Я знал, что взводный являлся его земляком. Хороший парень, которого прочили на должность командира роты, воевавший в полку с весны. Ефимцев, хорошо выпивший, обнял меня за плечи и неожиданно сказал:

– Грамотный ты парень, а все в младших сержантах ходишь. Цепляй третий угольник.

Я знал, что повышать в звании до «сержанта» имело право полковое начальство, но Ефимцев приказал принести медные треугольники и сам лично нацепил на петлицы.

– Со штабом я решу, – отмахнулся он от моих возражений. – Ты знаешь, где эти уроды-макаронники сидят, ну эти гаубичные корректировщики.

К тому времени я изучил артиллерийские посты 75-миллиметровых пушек, минометов и гаубиц. Они начинали суетиться, вертеть оптику, высовываться, наблюдая за разрывами своих снарядов или мин. Наши артиллеристы отвечали скупое. Я знал, что они испытывают недостаток в боеприпасах и берегут их на случай вражеского наступления.

– Сынок, расшлепай этих наблюдателей, которые гаубицы наводят. Сможешь?

– Смогу. Только открывать огонь команды от начальника разведки не поступало.

– Он, видать, про вас забыл. Считай, что поступила. А в штаб полка я сегодня позвоню.

Мне надоело впустую глазеть на итальянцев, и приказ комбата пришелся по душе. Правда, ни мне, ни Малышко еще не приходилось стрелять снизу вверх через широкую водную преграду. Все это меняло обычную траекторию полета пуль, и не был уверен, что попаду в цель. Но с чего-то надо начинать.

– Попробую, – ответил я.

– Не пробуй, а уничтожь гадов, – потребовал комбат. – Завтра доложишь.

Отправляясь на свою снайперскую охоту, я начинал, по существу, службу заново. Лишь в теории знал нехитрый набор правил, а тренировался в стрельбе лишь на полигоне. Место, откуда буду стрелять по гаубичным корректировщикам, выбрал заранее. К сожалению, укрыться прямо напротив их окопа не имелось возможности. Стрелять из кустов вверх показалось очень несподручно.

– Мне что делать? – спрашивал Веня Малышко.

– Наблюдать за правым берегом.

– И все?

– Все. Ну, поможешь вытащить меня, если ранят.

Я погрузился в свои мысли, обсуждать дальнейшие действия не хотелось. Занял позицию на берегу ерика, за раздвоенной старой ветлой, толщиной не меньше метра. Веня пристроился шагах в десяти за другим деревом в неглубоком окопчике.

Медленно светало. На Дону вовсю плескалась рыба. Рассвет – самое активное время для рыбалки, но берега реки оставались пустынными. На многие десятки километров по Дону проходила линия фронта. Разглядеть меня за ветлой было трудно, хотя маскировались мы так себе, слабенько. Тогда не было принято обвешивать себя травой, заматывать винтовку на стволе камуфляжными тряпками. На голове я носил обычную пилотку, только без звездочки.

Итальянские наблюдатели уже сидели на своих местах. Ближе ко мне находились минометчики, до окопа гаубичных наблюдателей-корректировщиков было метров четыреста пятьдесят. Расстояние не такое уж большое, но я мог разглядеть лишь головы и плечи. Дежурил, видимо, офицер и рядовой солдат. Офицер носил шапочку-пилотку, рядовой – каску, обтянутую камуфляжной сеткой. Я поставил прицел на пятьсот метров и с полчаса выжидал, пока офицер, скорее всего лейтенант, высунется повыше. Ведь случалось, что итальянцы и на бруствер взбирались, то ли показывая свою смелость, то ли будучи уверены, что русские «иваны», загнанные в лес и глубокие траншеи постоянным артиллерийским огнем, стрелять не станут.

Парочка попалась очень дисциплинированная. На бруствер не лезла, а порой надолго исчезала из виду, блестели лишь стекла стереотрубы. И все же я дождался нужного момента, когда лейтенант поднялся повыше, потянулся, развел в стороны руки, разминая мышцы. В этот момент я нажал на спуск. Пуля подняла фонтанчик земли чуть левее и метра на полтора ниже цели.

Артиллерист ничего не понял, звук выстрела летит в два раза медленнее, чем пуля. Зависив прицел, выстрелил снова. На этот раз пуля ударила в бруствер, и лейтенант исчез. Случилось то, чего я опасался. Мне следовало под любым предлогом добиться разрешения на пристрелку. Я не рассчитал правильно влияние водной преграды и траекторию полета пули вверх под углом двадцать с лишним градусов.

Досада, растерянность толкнули на необдуманный шаг. Я минут пять продолжал лежать на прежнем месте. На кручах поднялась суета, высовывались любопытные. Я поймал на мушку солдата в куртке, застывшего на тропинке, и выстрелил в него. Он свалился на подломленных ногах, как тот танкист, дернулся и замер, откинув в сторону руку с растопыренными пальцами. Я все это хорошо разглядел в оптический прицел. Зачехляя его, позвал Веню:

– Уходим!

Когда, пригибаясь, покидали место засады, там уже рвались первые мины. Срок от первого и до третьего выстрела оказался слишком велик, и вспышку засекли. Задержись мы еще на минуту, наверняка бы угодили под раздачу. Восьмидесятимиллиметровые мины рвались пачками и поодиночке. Мы были уже далеко, но итальянцы огонь не прекращали.

К минометам присоединились полевые орудия, а затем и гаубицы.

Лейтенант (а может, капитан?) непременно хотел отомстить за пули, выпущенные в него. Тяжелые гаубичные снаряды ухали, перекрывая остальные звуки, вырывая с корнем молодые деревья, порой ломая старые.

Мы спрятались в узкой отсечной траншее восьмой роты, где уже сидели с десятков красноармейцев и Максим Усов. У меня тряслись руки, я с трудом свернул самокрутку, потянулся к Максиму прикурить. Упавший сверху комок рыхлой земли больно ударил по руке, порвал самокрутку. Когда, свернув вторую, прикурил, сразу две мины взорвались метрах в десяти от нас. Молодняк распластался на дне траншеи. Максим сочувственно спросил:

– Успели, значит, выбраться? На вашем месте страсть что творится. Лупят без передышки. Хорошо хоть от роты подальше отошел.

Про убитого итальянца он ничего не сказал. Видел, что стрелял я в наблюдателей, но не попал. Пересидели обстрел, который длился с перерывами часа полтора, выслушали подковырку своего однофамильца, взводного Егорова, и отправились с Малышко в штаб батальона. Ефимцев, озабоченный своими проблемами, кивнул. Выговаривать за промах не стал. Ничего, в другой раз наблюдателей достанете. Даже похвалил за убитого итальянца:

– Так и надо! Пусть знают, что для каждого приготовлена пуля.

Веня наладился было поспать, все же встали в четыре часа утра. Но я, не чувствуя от досады усталости, повел напарника в степь. Отшагав километра три, устроились в укромном месте, и я сделал несколько выстрелов по самодельной мишени на расстоянии 450 и 500 метров. Почти все пули улеглись в круг сантиметров сорок в диаметре. Все ясно, надо делать поправку с учетом водной поверхности и то, что цель находится на высоте. Дельную мысль подсказал Веня:

– Я у пулеметчиков книжечку-инструкцию видел. Там таблица специальная есть по стрельбе через речки, в горах и прочее.

– Надо глянуть.

Безотказная до этого, хорошо смазанная самозарядка дала пару сбоев. Стреляные гильзы зажимало затвором. Они торчали, как окурки, очередной патрон не подавался. Здесь же разобрал СВТ. Так и есть! Внутрь попал песок, мелкие комочки земли, даже трава. Засорило взрывной волной, а может, черпанул, пока взад-вперед бегали да ползали. Понял, что для самозарядной винтовки надо шить чехол, иначе механизмы будут подводить.

Вечером Ангара собрал все отделение. Подробно разбирал мои действия. Пospорили, вычерчивая траектории полета пуль (всем придется стрелять через реку снизу вверх), поздравляли меня с открытием счета. Итальянцы тоже не остались в долгу. После дневного артобстрела в батальоне погибли три бойца, а человек пять получили ранения. Счет не в нашу пользу. Зато начиная со следующего дня нам дали официальное разрешение вести огонь.

Это было связано с резким ухудшением обстановки в Сталинграде. По слухам, немцы взяли центральную часть города, тесня наши части к Волге. Через пару-тройку дней начала работать и артиллерия дивизии. Приказ, прочитанный нам, гласил, что каждый боец обязан действовать активно и бесстрашно. Сталинград немцам не сдадут никогда, но мы должны наносить непрерывные и эффективные удары, чтобы помочь защитникам города.

С памятью, к моим преклонным годам, происходят порой неожиданные вещи. Я помню, как вчера, не то что дни, а даже мельчайшие эпизоды войны. Я отлично запомнил тот день, когда охотился на артиллерийских наблюдателей, тело убитого итальянца, лежавшее на тропинке, ведущей от Дона к траншеям. Но, встречаясь с немногими бывшими однополчанами, выяснилось, что память все же меня нередко подводит. Начиная еще в девяностых годах писать воспоминания, я добросовестно изложил, как через пару дней я все же уложил гаубичного наблюдателя-офицера, а затем утопил лодку с итальянскими разведчиками, за что получил из рук командира полка свою первую награду, медаль «За отвагу».

– Нет, Федор, все происходило не так, – поправлял меня бывший напарник Веня Малышко. – Нам первые медали лишь в феврале сорок третьего вручали, а с разведчиками дело обстояло по-другому.

Артиллерия, установленная в лесу, рядом с рекой (в основном легкие «сорокапятки»), молчала. Для этих батарей открывать огонь было равносильно самоубийству. Их бы мгновенно засекли и уничтожили с высот. Неплохо давали прикурить минометчики, 82-миллиметровые «самовары» переносили с места на место, итальянцам их было трудно обнаружить.

Я помню, как одна из мин ударила в хранилище боеприпасов. Ахнуло крепко, взрыв на высоте взметнул в небо черный столб дыма. Обломки досок, сплюснутые снарядные гильзы и осколки, падали в воду, отчетливо слышались крики.

С наблюдателями гаубичных батарей мне рассчитаться не удалось. Вместе с Малышко мы дежурили несколько дней, но тот окоп оставался пустым. Куда они переместились, я не смог определить. Уже вовсю шла стрельба с обоих берегов, итальянцы высывались очень осторожно. Все же в последующие дни я сумел уложить трех солдат или сержантов. Открыл счет и Веня Малышко.

В один из вечеров меня позвал к себе в землянку командир роты Чистяков. Там же сидели взводные Млечик, Егоров, старшина, помкомвзвода Максим Усов. Отмечали какое-то событие или просто собрались расслабиться – не помню. Чистяков усадил меня рядом с собой, налил в кружку разбавленного спирта. Я поглядел на стол и невольно сглотнул слюну. Дымилась картошка в мундире, крупными пластинками нарезали сало, стояли открытые банки с тушенкой.

Дело в том, что наше питание в батальоне толком организовано не было. В дни, когда мы находились в засаде, кашу и хлеб для нас получали связисты. Воспринимая снайперов как приживальцев, сильно потеснивших их в землянке, они особенно не старались. Каша нам доставалась холодная, почти без мяса, хлеб, положенный на нары, к нашему возвращению черствел. А здесь такой ужин! Вспоминали выход из окружения, особенно тот эпизод с танком Т-1. Чистяков откровенно признавался, что вначале не видел выхода и в такой гиблой ситуации оказался впервые. Повезло, что Т-1 переместился ближе, а фрицы расслабились.

– Молодцы у меня ребята! – стукнул по столу кулаком подвыпивший ротный. – Со штыками на танк кинулись. И позже, в боях неплохо себя показали.

Зашел разговор о наших снайперских делах. Чистяков сказал, что им очень мешает дзот с крупнокалиберным пулеметом напротив восьмой роты. В амбразуру можно попасть только прямым орудийным выстрелом, мины летят сверху вниз и тоже погасить дзот не могут.

– Я бронебойщикам команду дал. Но с их кочергой не замаскируешься. Стрельнули раза три, расчет засекли, мины полетели. Ружье пополам, первого номера убили, второй с простреленной рукой приполз. Ну, что, Федор, заткнешь им глотку?

Хотя я изрядно выпил, но соображал нормально. Объяснил Чистякову, что попробовать можем. Но будет ли толк? Снимем мы пулеметчика, его тут же заменят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.